

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письма из Действующей Армии в Рязань

1914-1918 гг.

Письма
родным от Михаила Ивановича Тверитинова
Из семейного архива Тверитиновых (Москва). Подготовка текста – А.Д. Тверитинов

Милые мои и дорогие папа, мама, бабушка и Аничка с Леней и Димой.

При всем моем старании, я не мог выбраться к вам, чтобы обнять вас и благословить детей. Но, во всяком случае, особенно беспокоиться нечего, т. к. я назначен в запасный полк и может быть он совсем не пойдет в бой или, во всяком случае, не скоро. Пишу Вам письмо и все-таки не знаю, куда я еду. Знаю, что на запад и где-то остановимся, но где – в Ковно или Вильно – ничего неизвестно. Так или иначе, но будем сначала стоять в городе. Адрес же мой: 222-ой пехотный Краснинский полк, в канцелярию, прапорщику 6-й роты. Если бы Вы знали, как мне грустно уезжать не простившись, но что же делать – в военное время мне никуда из лагерей нельзя, а тебе, моя дорогая Аничка, приехать и совсем нельзя было. Ведь теперь ходят почти одни воинские поезда. Смоленск – тыл нашей армии и что здесь делаться будет одному Богу известно. Почти все учебные заведения пойдут под раненных. Вещи перевезут в институт, и ты не беспокойся за них. Сохранней. Продать же не стоит. Ведь я надеюсь, что мы с тобой увидимся и заживем великолепно. Не правда ли? Да, кроме того, и тяжело будет тебе продавать их. Не говоря уже о цене – за них ничего не дадут, но будет казаться, что все кончено, хотя в сущности никакой опасности нет. Пиши обо всем откровенно и почаще. Давай хоть перепиской каждый день видеться... Ты меня любишь и я тебя, поэтому не горюй. Место в институте оставлено за мной и поэтому мирно заживем в Смоленске. Не расстраивайся ради Бога, пожалей себя. Помни, что мы нужны нашим родным детям. Я все-таки пожалуй, и не выдержал бы и вызвал тебя, но ведь ты так была расстроена в Раненбурге, что в Смоленске свалилась бы под поезд и уже, наверное, слегла бы. Да и со мной не знаю, что было бы. Что касается денег, то будешь получать не меньше, чем прежде из института 120 или 130 руб., да, кроме того, я буду высылать тебе руб. 75, не знаю, больше я, вряд ли буду в состоянии. Всего жалованья мне будет рублей 100. Мне не дали ста рублей при поступлении, и мне не хватило на обмундировку.

Пока. До свидания, опять повторяю, что не огорчайтесь, Георгиевским кавалером я не вернусь, т.к. придется где-нибудь отсиживаться.

Милые мои и дорогие!

Пока еще жив и здоров, надеюсь, и дальше будет то же. Дела наши идут пока недурно. Во всяком случае «мешок» немцам не удался, да еще им досталось порядочно. По крайней мере, 14 они так поспешно отступали, что растеряли свои зарядные ящики и орудия. Дух у нас теперь бодрый. Дивизия пока еще на отдыхе, но сегодня кажется идем на позиции. Не пугайтесь. Сидеть в окопах не представляет почти никакой опасности. Погода дивная. После холодов и дождей, кажется, и не могло быть такой погоды. Ходим в рубашках, а на ночь даже раздеваемся и иногда еще сидим на бревнышках и беседуем. Голодны не бываем, а вот папирос и табаку – одно горе. Попробуйте, пожалуйста, выслать еще 1000 папирос, авось дойдет. От Вас писем не получаю. Вчера была почта, но мне ни одного письма и никому нет с той стороны. Из Петрограда есть.

Теперь почта, по всей вероятности, наладится. Почтальон поехал за ней по городам, но еще не возвращался. Да и не могло быть никакого порядка при отступлении. Ведь немцы взяли нас в мешок – на 90 верст в глубину, а выход был всего на 30 верст. А в самом дне была наша дивизия. Как шутят – Вильгельм зачислил нас на довольствие и приготовил поезд для нашей отправки, но дело не вышло, а вместо этого немцы сами попали к нам на довольствие.

Как раз сейчас получил от Вас одно письмо, да еще со вложением фотографической карточки. Вот была радость для меня, да и гордость за сына. Леня радовался и прыгал, что у меня лошадь? Передайте ему, что у меня теперь есть действительно собственная лошадь. Поймали солдаты на позиции. Должно быть немецкая, так как мы в то время постреляли немецкий разезд. Ничего себе жеребец – лет 4.

Действительно, Командир дивизии представил меня к Владимиру 4-й ст. за бой с 6 по 7 сент. Если награда эта пройдет, то будет хороший подарок в день именин. Да больше мне и никаких наград не надо будет. Очередные – это все не то.

Передайте Ане, что приписками она не отделается. Пусть пишет большие письма. Интересно, на сколько продали всего сена с овсом в Танинском, и почему продавали. Если Аня с ребятами еще в Танинском – напишите, пожалуйста, ей. Она писала, что в первых числах сентября едет в Москву, и где она теперь – не знаю.

Спасибо, мама, за Ваши письма, они меня немного утешают. Крепко всех целую. Ваш МТ.

Папа наверно узнает свои конверты и бумагу .

Милая моя Аничка!

Ты мне писала, что переехала в Раненбург. Дорогая моя, не лучше ли будет тебе снять квартиру и жить самостоятельно. Обстановка теперь есть. Мне кажется, что слишком уж будет шумно и беспокойно старикам. Папа, как писала мне Варвара Петровна, начал сильно прихварывать. Про бабушку и говорить нечего. Что касается мамы, то ведь у нее тоже силен только один дух, а тело немощно. А ведь им и приткнуться негде, чтобы хоть немного отдохнуть днем. Да и ночью покоя нет. Тебе тоже нужна отдельная комната для работы над сочинением. Поэтому подыскивай себе квартиру и переселяйся. Ведь и вещей-то, должно быть девать некуда. Весь дом заставлен ими. Надо дать покой хоть теперь. Нервы Варвары Петровны тоже надо пощадить. (И это он пишет, будучи сам на войне! – А.Т.).

Пиши мне, голубка, и, надеюсь, что ты сообщишь, что квартиру уже сняла. Пиши почаще. Тебе можно писать каждый день...

Я живу по-прежнему. По-прежнему командую ротой, что хоть немного отвлекает меня от грустных дум о Вас. Ведь с командованием связано много хлопот, на первый взгляд и мелких, но очень важных для солдат. Большое получаю иногда нравственное удовлетворение, когда присылают письма мои раненые сотоварищи, безграмотно написанные, но полные теплого чувства.

Ждали Государя и деятельно готовились к встрече, но, оказывается, на смотр полк не пойдет, а выделит сборную роту по 13 нижних чинов от каждой роты, преимущественно георгиевских кавалеров, при трех офицерах. Одним из офицеров назначен командиром полка и я. Честь высокая быть представителем полка, но, мне кажется, незаслуженная. Занят сборами. Надо одеться и просто и прилично. Время идет так незаметно и так покойно, как будто бы находишься не на войне, а где-нибудь в лагерях в мирной обстановке. Только изредка буханье орудий напоминает о настоящем. Дух в войсках бодрый, несмотря и на выступление Болгарии. Состояние материальной части, по крайней мере, в нашем полку, блестящее. Сапоги почти у всех совершенно новые. Шинели выдали тоже с иголки. Вообще повоюем! Не беспокойся, Аничка, обо мне. Господь не выдаст, немец не съест. Три раза Бог спасал меня. Теперь формируются химические команды. Хочу и я подать рапорт, но как-то жалко расставаться со своими молодцами. Не шутка – 4 месяца провести в такой обстановке с ними. Они меня знают и я – каждого из них со всеми недостатками. Они мне дали и представление к Св. Владимиру и вот теперь итти на смотр к Государю. А если бы ты знала, как они отнеслись к моей контузии. Когда на другой день сменились – прибегали навестить в околоток и все: «Скорее к нам, Ваше Благородие!» Ужасный день был. Я находился с ротой в резерве, и приказано было утром итти на поддержку. В четырехстах шагах от немецких окопов. Они из винтовок били на выбор. Ну, да все хорошо, что хорошо кончается.

Послал две каски Алексею Венедиктовичу. Жалко не могу переслать в Раненбург ребятам. Да теперь и нет их. Надо опять дожидаться боев. Во время нашего наступления ими хоть пруд пруди было. Бросали. Ну, пока довольно, и так разболтался. Крепко целую тебя, моя милая женушка и своих ребятшек. Передай Лене, что открытки кончились, а новых достать не могу – негде. Поэтому наша с ним переписка кончилась на время. Крепко целую Папу, бабушку и маму. Целую мою милую куму и ребяток. Воображаю, как они выросли и похорошели.

Ваш МТ.

27. X.1915.

Пиши чаще и откровеннее о своем здоровье.

Пиши на 12 роту, несмотря на печать 9-ой роты. Моя печать утерялась. Не нервничай.

Я здоров как никогда.

Милые мои и дорогие!

Сегодня уже «хуже», как говорят солдаты. Проснулся ночью, а подо мной лужа. С трех часов ночи зарядил дождик. Вот как крепко спал. Встал только, когда шинель промокла насквозь. Сейчас же пришлось разбивать палатку. Встали. Солдаты развели костер, наломали нам сосновых сучьев и даже просушили их над костром. Постелили и опять спать. Да ведь какая роскошь на этих сучьях лежать. И мягко и запах дивный. Все-таки солдаты никак не могут согласиться, как я ни стараюсь, что я такой же, как они. Считают, что я и простудиться могу скорее и «харч» должен быть для меня другой и т. д. Вчера у нас не было сахара и им тоже не выдавали дня два, но все-таки достали несколько иссосанных кусков и все настаивали, чтобы я «внакладку». Сейчас лежу в палатке – делать абсолютно нечего. Собираюсь съездить в Белосток. Поеду в баню, а то насекомые начинают пробираться. Солдаты вываривают их в котелках, из которых потом и едят. Ну да на походах на это внимания обращать много не приходится. Лишь бы сыт, одет и ладно.

Вчера был прекрасный вечер. На поверке поют «Отче Наш» и «Спаси Господи Люди». Произвело сильное впечатление. Громадные сосны, тишина, уже темно. Костры кое-где, и поют то там, то здесь молитвы. И вдруг сегодня пасмурно, холодно даже, немного голодно. Зато чай можем сервировать настоящий. Есть и шоколад, и ландрин и клюквенный экстракт и все, что угодно. А обед сервируется – котелок со щами и горчица. А все-таки сытно, хотя и без разносолов. Кажется, скоро двинемся вперед. Пишите мне почаще. Всех крепко целую.

Всем привет. Ваш МТ.

P.S. Михаил Иванович вернулся с войны, и прожил ее долгую и разнообразную жизнь.

Письма

от Витольда Фаддеевича Ярмоловича его невесте, Анне Ивановне Мельгуновой Из семейного архива Мирчетич (Рязань).

Подготовка текста, комментарии – М.С. Мелешкина-Мирчетич.

Анна – Витольду

Рязань, 13-го (марта 1916 года?). 2 часа ночи

Сейчас вернулась от Кученевых и нашла Вашу телеграмму. Её принесли в 12 часов. Как обидно всё это вышло. Мне необходимо поговорить с Вами. Старайтесь по возможности присылать телеграммы накануне, иначе мы никогда не поговорим. Неужели Вам дают отпуск только на 3-4 часа? Пишите всё подробно.

Ваша А.М.

Анна – Витольду

Рязань, 19 марта

Как приятно возвращаться из лазарета и находить Ваше письмо. Сегодня мама сказала, что она ревнует меня к Вам, как только я прихожу, сейчас же иду в свою комнату, затворяю двери и начинаю читать письмо. А раньше я всегда здоровалась и долго делилась своими впечатлениями.

Вы пишете, что у Вас не сил, а желанья нет расстаться с мыслью обо мне, а силы значит есть? Ну а у меня и сил нет.

Хорошие отзывы Вашей сестры мне очень приятны, она заочно мне всегда была очень симпатична. И если представится случай, то я, преодолев свой страх, с удовольствием познакомлюсь с ней.

Относительно гимназии ещё ничего не знаю, слишком серьёзно я на неё смотрю, чтобы решить так скоро. К тому же я ещё никак не могу собраться с мыслями и подумать хорошенько. Думаю, да «не о том».

Нашли ли Вы в Зубцове мои письма? Сейчас пойду гулять и опустить письмо.

Ваша А.М.

Анна – Витольду

Рязань, 21 марта

Сегодня письма опять нет. Завтра буду ждать из Зубцова. Неужели опять не будет? Для меня Ваши письма стали потребностью, поэтому вчера и сегодня особенно нервничаю. Как-то даже странно мне порою, уж очень быстро всё это произошло. Загадки, конечно, были и раньше, иначе быть не могло.

Пишите чаще, уж очень тоскливо мне, спасает только лазарет, много тяжело раненных, на них невольно затрачиваешь много сил. Теперь к моей работе присовокупилась и общественная черта – раненных ждут много, открывают новые лазареты и мы снова там нужны. Это даёт мне большое удовлетворение: сейчас я не могла не работать.

Напишите мне всё подробно. Завтра Вам буду писать в дежурке.

Ваша А.М.

Анна – Витольду

Рязанский 2-ой госпиталь всероссийского союза городов

Март 22 дня 1916, №5

«Чёрный котик» очень соскучился, ходит по лазарету и грустно мяукает, но некому приласкать его. Последнее время «котика» избаловали, говорили ему много хороших, хороших слов, он снова хочет их, но увы! – не получает даже писем. Бедный котик!

Сегодня он очень занят, отбросил своё лукавство и чистосердечно ухаживает за больными. Ну за что же котика обижать молчанием? Он, правда, не заслужил его. Вот сейчас он выбрал свободную минуту и пишет милому, милому Витольду Фаддеевичу. Уж и позвали. Побегу. Мя-я-у, мя-я-у.

«Чёрный котик».

Анна – Витольду

Рязань, 28е апр., утро

Вчера вечером не могла написать Вам, так как в 8 часов мама уложила меня в кровать, найдя что у меня очень усталый вид. Сегодня чувствую себя лучше, скоро пойду в лазарет, А сейчас хочется только сказать, что Вы очень, очень милый и что я Вас очень сильно люблю.

Ваш Котик.

Витольд – Анне

Москва, госпиталь, девятый час веч., 11-ого (апреля?)

Самое позднее время для писания писем. В 10 час уже зажигается ночной синий рожок; пришлось бы уйти в проходную пустую палату, где по ночам играют в карты, где и читать-то неудобно. Приехал, как в своё место. Шутливо заявил сегодня, что чувствую себя «как дома» в 3 местах – дома, в Зубцове, в госпитале. Попал в ту же палату, но что-то ещё удобнее. Народу мало. Тем лучше. Жаль только, что выписался один очень симпатичный прапорщик. Он до того мне понравился, что навряд ли кто-нибудь заменит мне его из наличного состава. Я как-то даже его имел в виду тогда для моего будущего (теперь – настоящего) лежания в госпитале; тогда же я, минутный гость, не хотел ни с кем завязывать разговоры, знакомства.

Ненужно длинно что-то распространился об этом. В общем сразу всё наладил: письменный прибор, библиотека, принадлежности для five-o'clock, даже уголок для Ваших писем. Чего же больше? Но почему-то всегда у меня с прибытием на новое место (за последнее время) к вечеру поднимается в душе какая-то особенная тоска, чувство одиночества, и сильнее я ощущаю, что мне недостаёт Вас. И всегда, каждую минуту недостаёт. А в эти минуты, как сейчас, – особенно. Словами не расскажешь. А, кажется, мне сейчас лучше, чем когда-нибудь за это время: отдых от зубцовских коллег, вблизи Ваш приезд, живая память о нашем вчерашнем разговоре по телефону (один из самых лучших),- наконец, сегодня Ваше дежурство, когда легче думать о том, что делаете Вы, завязывать разговоры, знакомства.

Пишу, вот, и думаю, как сильно овладели Вы всеми моими мыслями. Именно всеми. Всё, что думаешь, читаешь, делаешь, - всё как-то по-особенному относишь к Вам, для Вас, и нет ничего, что произошло бы без мысли о милой сказочной королеве. Ничего подобного раньше со мною не было. Мне даже порою кажется, что здесь какая-то перемена характера: до такой степени я не допускал развязывать себя в чувствах. Это, конечно, неправильно. Характер тот же, – только с новой стороны открылся самому мне он, и, вот, я теряюсь, спешу наскоро собрать ярко рассыпавшиеся переживания в нечто одно, в какую-нибудь систему. И ничего не выходит. Какая-нибудь строчка в Вашем письме, нотка в Ваших словах по телефону – и всё, в чём будто разобрался раньше, разлетается как бисер. Порядка никакого нет, но зато удивительно красиво.

Да, кажется, больше всего красоты во всём этом. Она – то, что ни на минуту ещё не исчезало из наших отношений. Должно быть, мы с Вами, Анна Ивановна, большие художники в душе.

Сегодня утром отвёз письмо на Ваш вокзал (лучший из всех московских вокзалов!). Оттуда поехал к Павлу Ивановичу. И никого не застал. Отец, видно, уже отправился восвояси, а Павел Иванович, как сказали, ушёл на перевязку в клинику и скоро должен был вернуться. Решил я ждать. По привычке глаза обратились к книгам. Всё – медицина. Нечего делать, начал читать, что понятно моему не сведущему в этих вопросах уму. Прочёл много за час, вскоре же и позабыл всё до совершенства; помню только, что в себе нашёл около семи болезней, явно выраженных, не считая двух женских, которые я всё-таки, хотя и не совсем решительно, исключил в теории из моего ужасного инвентаря.

Извиняюсь за не совсем изящную шутку, но Вы – почти медик, а я – в таких вопросах не то «мизантроп», не то капризный. Вот, и Вас я, когда думаю о Вашем госпитале, никогда не представляю за Вашей реальной работой при операциях, на перевязках; я больше думаю о Вашей другой роли – как сестры, заботливого друга для солдат в их повседневной обстановке. Это вовсе не значит, что я «отрицаю» все эти перевязки для Вас (это был бы абсурд), а, просто, я немного снисходителен к своему мало оправдываемому капризу: при обыкновеннейшем насморке я и себя, кажется, брезгаю. Конечно, это ересь.

Завтра утром, может быть, узнаю свою предстоящую обстановку – долго ли пробуду здесь, буду ли свободен, т.е. можно ли будет уходить в отпуск и... говорить с Вами по телефону. Все дороги в Рим ведут. Милый Рим! Немножко, правда, экзотический. Рим – где властвует конституционная королева, где самое привлекательное существо – хорошенький Чёрный Котик. Но всё-таки Рим. Сказочный, но куда лучше настоящего! Заметьте, Анна Ивановна, что это Вам говорит и латинский схизматик, и компетентный историк. Его авторитетное заявление Вы должны принять без ограничений. Впрочем, милый Рим и сам должен знать, как он хорош собою.

Ваш Витольд Фаддеевич.

P.S. Письмо получите, возможно, в среду. Если так, то перерыва в письмах у Вас не будет. А я каждый день теперь буду писать. Мне нет никакого расчёта, ни сил делать славного Чёрного Котика недовольным мною.

Витольд – Анне

№3. По пути на С–ск, 29-го (июня?), 8 час. веч.

Котик мой милый-любимый-любимый! Едем с изумительной поспешностью. На каждой большой станции даём сигнал об отходе через 5 минут, на полустанке через 15, а в поле простаиваем по часам. Всё по доблести начальника эшелона, так что даже обед будет только через 3-4 часа. Мы-то, конечно, успеваем быть сытыми.

Еду ещё дальше от культуры. Одет в солдатское летнее платье; пишу стоя, положив папку на приподнятый верх. Уже закат. Солнце садится в тучи. Помнишь – когда-то это составляло работу. Теперь всё равно. Но закат – наш. Кончу письмо и усядусь на ступеньки вагона, чтобы смотреть на юго-восток.

Царевна чудная! От одной только мысли – мысли о тебе – я не могу отстать. А, кажется, ото всего отошёл уже.

Сегодня праздник. День Ангела Павла Ивановича. Может быть, он в Рязани. Может быть, увидится с тобою. Послезавтра ты дежуришь ведь? Буду думать о твоей комнате, работе, светло-сером платье, которое тебя так радует.

Вожу нумерацию. Это очень удобно. Первых два №№ считаются от выезда из Зубцова – на «секретках».

Так трудно освоиться с тем, что от тебя ещё долго не будет писем. Но зато сейчас во мне есть уверенность в «чьей-то» глубине, ласковости, нежности.

Едем все бодрые. Солдаты поют песни, играют на гармонии. Мы же заняты гармонией, картами, анекдотами, женщинами на станциях и изредка задушевными разговорами. Говорю «мы», потому что это характерно для массы. Моё занятие – открытки, универсалька, гармония, немного карты, много сиденья на ступеньке вагона и – мысли о тебе, без конца. Моя любимая, моя сказочная.

Твой Толя.

Витольд – Анне

№5. Платформа под Минском, 1-го июля, 12ч. дня.

Мой Котик, любимый! Стоим третий час и не можем доехать 37 вёрст. Оттуда – новое назначение. Не спешим: едем не срочным эшелонем, т.е. пропускаем эшелоны скота, артиллерии и – в обратном направлении – раненых. Я – на родине. На одном полустанке ушёл в деревню, типичную белорусскую деревню – грязную, забытую. Ловишь ухом экс-филолога «дзеканье» в речи, направление «праз лес» (через, сквозь лес). И очень мало мысли о будущем. Да его и нет в сознании. Живёшь абсолютно настоящим и недавним прошлым. Настоящее – это выходы на остановках, разговоры с солдатами, шутки и покрикиванье, недолгие беседы со спутниками; прошлое – всё в тебе, о тебе, для тебя. Ни о чём другом и не думается. Сознательно раньше я поставил себе задачей сузить всё до самого необходимого или дорожного. И остались только взгляды да ты. Так, с этим и еду, и пойду.

Как странно! Я совсем не знаю, что ты делаешь. Сегодня ведь дежуришь. Это даст возможность яснее увидеть тебя в мыслях. Хорошенькая сестрица в светло-сером. И красный крестик, маленький и знакомый, на груди. Милый, услужливый крестик.

Родная моя! Как дорого мне вспомнить последнюю нашу встречу. Так просто, так решительно приближалась ты ко мне. Я чувствовал, что я уже так мало чужой – так мало привыкать ко мне осталось. Какой нежный, ласковый Котик! Как неожиданно много счастья он дал своими порывами. Ведь даже Зубцов за свои три дня получил своё оправдание: для этого нужно было обаяние бархатного Котика.

Твой Толя.

Если в Минске простоим больше суток, оттуда напишу сегодня или завтра утром. Дело в том, что в большие города нас впускают поочерёдно: может быть, только к ночи придёт очередь нашему эшелону. Время терпит.

Витольд – Анне

№6. Минск, 02.07.16.

Аня, милая! Вчера, часа в 4 дня, прибыли. Живём в офиц. общежитии, т.е. в особом флигеле, где спать приходится на полу и соломе. матах; я-то устроился на койке, но их очень мало. Город шумный, столица ближнего тыла. Поражает обилие расфранченных...полувоенных, штабных чиновников, полковников, чистеньких вольноопределяющихся с унив. значками. Всё это чванится, спасаясь в тылу. Очень мало...нас, прапорщиков. По улицам всё время – автомобили, артилл. повозки. Проходит молодецкая гвардия, маршевые роты. По ночам редкие тревожные гудки о приближении аэроплана. Много кафе, женщин, сестёр. Атмосфера северянских удовольствий. Сегодня, кажется, едем до М-чна, хотя, может статься, и пешком пойдём. К полудню выяснится. Уже пришли известия о некоторых товарищах по Зубцову – живых, убитых, раненых. Почему-то я совсем равнодушен к манере окружающих сейчас же ассоциировать со своим будущим подобные известия. И это искренно. Я так глубоко проникнут ясной для меня мыслью, о чём я говорил тебе в Зубцове, где мои взгляды, где ты – самое дорогое, важное. Чудная сказка! Как я полно живу сейчас, когда у меня – ты, самая близкая, самая любимая.

Твой Толя. Привет твоим.

Витольд – Анне

№7. Минск, вечер 2-го.

Мой Чёрный Котик! Сегодня ещё здесь. Перевели нас из одной армии в другую, и потому только завтра получим другое направление. И, кажется, нужно будет идти пешком. Завтра утром всё выяснится. Днём летал над нами «Gaube» – высоко-высоко беленький со стрекозиными крылышками. Наши гаубицы открыли огонь. И вот на синеве неба посреди лёгких облаков стали вспыхивать новые облачка от снарядов. И долго ещё потом они не рассеивались. Публика вся с любопытством следила; только еврейки, которых здесь уж очень много, подняли шум. Для меня это – новинка, и пока интересная. Город уже надоел. Провинциальная грязь, армейский шум, дешёвый дендизм – и только. Сегодня зашёл в костёл и собор, самые красивые и единственные не опошлённые общественные здания. А сейчас отнесу письмо на вокзал (он недалеко), вернусь домой и займусь чтением, пока есть книги. Аня моя дорогая! Когда-то я прочту твоё письмо. Ведь вот уж давно-давно не было любимых строчек, которые всё-таки «готические» по характеру, хотя ты и не хочешь считаться с моим определением. Ведь я совсем не знаю, что делаешь ты там. Сейчас уже отдохнула от вчерашнего дежурства – и только. Так мало знаю.

Твой Толя.

Витольд – Анне

№8. Минск, 3-его вечером

Аня, моя родная! Как я соскучился без тебя. Сегодня почему-то особенно грустно без тебя. Должно быть, полосой находят сильные настроения или уж очень надоедает ожидание и тянется сильнее душа к оставленной красоте. А какая же красота переживаний пройдёт мимо Чёрного моего Котика?

Сейчас, наконец, сообщили о дальнейшем. Начальник эшелона и его помощник (кадровые из Зубцова) возвратятся назад. Поведёт эшелон мой командующий ротой, а я на его место принимаю роту. Идти пешком вёрст сто до штаба... дивизии, здесь и получим окончательное назначение. Новый начальник эшелона – энергичный, и потому для нас есть подводки, хотя, строго говоря, переходы от этапа к этапу очень не велики, так что и пешком не очень трудно было бы. Завтра, в шесть утра, уйдём из нового Вавилона. И Бог с ним. Не лежит у меня сердце к этому городу.

Если б ты знала, как мы упростили наши потребности. Всё уложено так, что лишь самое необходимое лежит под рукою, либо висит на мне. Папиросы в висячем портсигаре; открытки, секретки и карандаши – в висячей полевой сумке, где карты и документы; чернила и перо – в саквояже вместе с книжками и «несессером»; принадлежности для еды – у денщика, молоденького татарина, умницы, старательного и, конечно, боящегося меня, как огня. Жаль, что нет твоей карточки, которую можно было бы носить всегда при себе. Но ты пришлешь её... Я жду только с нетерпением, когда – может быть, из дивизии – смогу тебе отправить телеграмму с адресом.

Какое же счастье – получить от тебя письмо! Я уже таким далёким и несбыточным считаю всё, что в Рязани. Сейчас могу мечтать лишь о письмах.

Ну, пока – до новой остановки, где-нибудь на этапе... Чуть не забыл! Прочти в №27 журнала «Весь Мир» стихотворение «Рубили старый сад», прекрасное – и видно, что прапорщик писал. Я даже здесь не отстаю от привязанности к поэзии.

Твой Толя.

Витольд – Анне

№10. Местечко К-в. 5-го июля.

Радость моя! Как только приходим на отдых, размещаю солдат, иду искать, где поместили офицеров, обедаю, ложусь отдохнуть и тут уже берусь за письмо к тебе. Живая потребность сказать несколько слов далёкой, теперь молчаливой, любимой царевне.

Сделали 2-ой переход до завтра. Дорога опять по аллее; опять где-то вдали аэроплан – на этот раз наш; то же шествие с короткими привалами, с окриками (солдаты готовы пить даже болотную воду), с песнями, с задеваниями проходящих баб, уже по привычке лишь визгливость. Тебя не должно это шокировать: тебе солдатский мир знаком, я не собираюсь ничего украшать – тем более, что я сознательно не мешаю им слегка разойтись, без излишеств. По дороге встретился отряд ВЗС, санитарный обоз. Подошли к сёстрам со скуки за водою. Земские сёстры – хорошее впечатление; да к тому же видно, что новенькие: просто и радушно смотрят, отвечают. И в светло-сером. Польки. Я разговорился с ними запросто (10 минут привала), и было хорошо оттого, что они сёстры, что у них светло-серое платье...

Сейчас в местечке (в России – это «посад»). Узкие улицы, много лавок, евреев, учреждений военных и общественных организаций. Помещение для нас очень недурное – какой-то особняк для страхового агента, нотариуса, зубного врача и т. п. Но коек опять нет. Голь на выдумки хитра: из всех шкафов вынуты дверцы и положены на наши чемоданы. Комфорт.

Дорога пока хороша. Не очень утомляюсь. Подводки есть, но на них я не сажусь: я очень «злой», а таким неловко перед солдатами садиться, когда те идут.

Милая, любимая! Когда же я смогу прочесть твоё письмо? Это единственная дорогая мысль сейчас.

Твой Толя.

Сейчас узнал, что можем задержаться в штабе дивизии.

Витольд – Анне

№11. В штабе дивизии, 8-го июля 1916 г.

Котик милый! Пишу № и не помню вчерашнего: может быть, и там – одиннадцатый. Даже число перепутал. Уже знаю свой адрес: «Д.Армия. 253-й Перекопский пех. полк. Мне». Кажется, хорошо, т.е. то, что мне и нужно: армия имеет значение т.наз. ударной группы, т.е. или ликвидирует неудачи, или выдерживает главный натиск, или, наконец, основной удар. Здесь велики потери, но велика и бодрость. Пока отдых – может быть, около месяца. Сейчас жду подводы для вещей и себя: роту сдал другому полку, а сам иду в своё отделение, т.к. в моём полку большой недостаток в офицерах: полк 4 раза вынес газовые атаки и всё-таки перешёл в наступление. Вообще первые впечатления подтверждают высокие рецензии газет. Целую сильно, как можно в мечтах.

Твой Толя.

Сообщи адрес Павлу Ивановичу.

Витольд – Анне

№13 (Д. Арм. 253-й пех. Перекопский полк 64-й дивизии) 10-ое июля 1916 г.

Мой чудный Котик! Сегодня мне уже или ещё 25 лет. Обычно в минуты официальной торжественности я как-то невольно реагирую в противоположном смысле – равнодушием. Так и сегодня. Неприятно только то, что дома мать от этого дня станет грустнее. Ах, как это нехорошо. Я вот ясно чувствую, что там, позади, всё больше переживается, чем это даётся мне – человеку вообще широкой способности приспособления. Сейчас я совсем удовлетворён – раз всё, что доступно мне много, достигнуто: устроена койка посреди халупы (у стены нельзя из-за насекомых), есть стол, сколочен табурет и есть возможность скоро достать воду для мытья. Опасность ещё не начиналась, если не считать аэропланов с возможными бомбами, но, во-1х, в деревне сверху не видать людей, а, во-2х, меткость бомб незначительна – отлёт в сторону бывает на несколько вёрст.

Скучно ли? Сказал бы «да», если бы в глубине души не было какой-то преграды, сдержки: нельзя распускать нервы. Поживу ещё, а там буду доставать лошадь и укатывать по соседним полкам, где есть товарищи знакомые, или на станцию, где всё-таки есть кое-какая «культура». Но Зубцова не жаль.

Не жаль ничего. Жаль тебя. Но ты ведь вместе и радость, большая, большая, полная. Изредка – так было вчера, когда я засыпал – вдруг ясно-ясно вспомнишь тебя, твои черты, наши последние встречи... «И вижу я любимый чёрный взгляд, и слышен мне уютный шёпот губ...». И тогда бывает хорошо и радостно, и счастьем, и гордостью полна душа. Это останется со мною надолго, как моё самое дорогое, как моё право – и с этим я смогу прожить, как счастливый.

Твой Толя.

Я уже не могу равнодушно проходить мимо почтового ящика в полковой канцелярии: скоро ведь и на моё имя будут приходить письма.

Витольд – Анне

№14-й (253-й пех. Перекопский полк, 64-я дивизия)

Мой милый Чёрный Котик! Только сегодня пришло назначение в роту. Этим окончательно выяснилось положение в полку, а завтра под вечер уже снимаемся с места. Идём недалеко! Меняем деревню из-за дурной воды. К полуночи уже будем где-нибудь в новой деревне возле местечка М...

Ещё лишний раз приходится поблагодарить свои два значка! Перед ними чувствуют потребность расшаркиваться даже батальонные командиры. Это вопрос не карьеры, а просто надлежащего отношения к тебе.

Теперь – за дневник, т.е. попросту начну тебе перечислять свои небогатые впечатления. Вчера наскоро солдаты устроили сами спектакль, танцы, дивертисмент. Было много в этом милого, наивного и простого, но грубо становилось только тогда, когда какой-нибудь солдат из «городских» подносил «культурную» шансонетку. Познакомился я здесь со всеми офицерами, остатками от великих боёв (эвакуируется каждый раз до 85% – большею частью без особой нужды). Сошёлся по-хорошему с одним прапорщиком запаса из межевиков. Тихий такой, совсем ещё «штатский»: потянулся ко мне опять-таки из-за значка.

А поздним вечером занялся чтением. И странным показалось оно после недолгого перерыва: за это время ведь произошло какое-то внутреннее отречение от самого главного, от своих склонностей.

Числа 16-17-го буду ожидать от тебя письмо. Этот офицер-межевик сказал, что он получил на 5-й день письмо из...Зарайска. И Рязань знает. Конечно, весь вечер я с удовольствием провёл с ним. Своим, родным и далёким повеяло от этого знакомства. А, кажется, как мало оснований – ведь только Зарайск, только Рязань...

Твой Толя.

Витольд – Анне

№15 (253-й Перекопский полк 64-й дивизии). 13.07.16.

Котик мой милый! Вчера не писал: все собирались. А вечером (походы – только ночью) узнали, что идём на позицию. Сегодня уже стоим в 7 вёрстах от неё и к вечеру, кажется, уйдём сменять сибирцев, вчера отнявших первую линию окопов у немцев. Шли всю ночь, но дорога и погода были хороши, только на часа 2 тучи заслонили небо. Я, впрочем, был на лошади, потому что мой ротный командир не ездит верхом, а я – единственный младший офицер в роте.

Сейчас для нас утро, т.е. четвёртый час дня. Здесь всё полно предпозиционной жизнью – почти пустые деревни, в воздухе – змейковые (на тросе привязанные) аэростаты, аэропланы, под вечер – появятся ракеты и лучи прожектора, и кажется, что вот подходишь к большому городу, который издали светит электрическими фонарями...но «город» через подминуты исчезает и загорается где-нибудь влево, вправо...

Милый Котик! Могут теперь письма и не быть скоро. Я вообще едва ухитряюсь, чтобы написать письмо. Если что-нибудь важное будет, pošлю через денщика известие: твой-то адрес уж он знать обязан у меня.

Твой, всё такой же, Толя.

Витольд – Анне

№17 (64 дивизия, 253 ... полк). 15.7.16.

Моя царевна! Опасности снова никакой. Вчера перед отходом узнали, что другой полк встаёт на позиции, а мы становимся в резерв. Ушли опять на ночь в поход, я – снова на лошади вместе со Шпаком, молодым жеребёнком, с которым мы уже друзья. Дорога была очень красивой – поля, перелески, лощины; дороги все уже выправлены, чего никогда не знала Белоруссия; а вдаль поднимались снова ракеты. И я всё-таки по-детски глубоко верил, что там вдаль город, большой, весь в электричестве. И странно тоскливо было. Чего мне было жаль? Москвы ли? Ведь я совсем-совсем оставил её. И, право, мне роднее была мысль об электрических фонарях где-нибудь у собора в Рязани, у Трубёжа.

Боже мой! Как я люблю тебя. Вот здесь столько нового, а я немного занят всем этим. Я весь всё так же живу тобою. Я ещё больше, кажется, стал жить тобою: ведь ты для меня теперь всё, что красиво, что дорого, что понятно.

Стоим в лесу. Денщики всё устроили – палатку, койки, столы, площадку перед нашей обителью, усаженную деревьями. Почти роскошно живём. Во всяком случае, лучше, чем в Зубцове. Сегодня аэроплан стрелял по нас из пулемёта, но в никого не попал, и никто его не боялся.

Ждём корпусного нового! Нас бросают из корпуса в корпус, смотря по надобности. Слава дивизии – как у сибирцев: с ними рядом всё время и сражаются наши полки. Сейчас мы стоим, кажется, с целью всё-таки отдохнуть. Для меня это, конечно, безделье, но не по-зубцовски.

Вечера (я пишу вечером) посвящены все гитаре и пению. Симпатичен в этом отношении состав нашего батальона. Почти наивные дуэты, но мне вообще не свойственно опасаться мнения «Tout le monde», а в музыке ловлю настроение, близкое моей душе, быть может, ставшей такою наивною, как и песня. Ты понимаешь, мой Котик, – чутко зовёшь это непосредственностью. И я не боюсь теперь открытой душою любить тебя всю милую, всю дорогую, моего чёрного бархатного Котика.

Твой Толя.

А писем ещё нет.

Витольд – Анне

№17 (№№ забываю часто, но ставлю всегда меньше номер, а не больше) 18.07.16.

Сегодня чудный, счастливый день: пришло твоё письмо. И хорошо мне, что именно ты – самая дорогая, любимая – первая написала мне из всех моих возможных корреспондентов. Письмо шло 6 дней. Аня, моя чудная, если б ты знала, как я соскучился без этих милых нежных строк, без тебя – ведь в этих письмах теперь для меня ты вся.

А я тебе не писал два дня. В субботу узнали о новом прорыве под Ковелем (мы здесь узнаём телефонограммой к вечеру), и сразу же пришло известие, что мы отходим за ненадобностью назад и через день «грузимся», т.е. садимся в вагоны и идём в известном направлении. С этой мыслью мы и выступили ночью. Что это был за поход, трудно описать. Позади поднимались ракеты, гремели взрывы орудий (на нашей позиции был частный успех), на небе – громаднейшие тучи, из которых хлынул ливень с грозой. Темно было так, что лошадь только инстинктом чуяла впереди идущую роту; мы все смотрели вперёд как в чёрную стену. Все тучи вылились на нас. И вот среди этой темноты и ливня понеслись солдатские песни: солдаты пели сами, по своей воле – как будто из детского задора, озорства перед судьбою.

К утру пришли в деревню. Здесь мы только сегодня узнали, что простоям несколько дней – и уже сегодня возобновили занятия: ружейные приёмы, отдавание чести, выправка...

Кстати, мне «повезло». Оказывается, я как окончивший военное училище имею лестное преимущество перед всякого рода другими прапорщиками: я зачисляюсь в кадр полка, тогда как те только прикомандировываются. Это даёт мне право оставаться в полку в мирное время без особой аттестации офицерства и потому...меня долго могут не отпустить. Вторая моя «удача» уже совсем комична: я издали понравился командиру полка и начальнику дивизии своей «энергичностью», т.к. я де бил солдата.

А я только потом вспомнил, что взял да повернул солдату голову направо, что издали и дало впечатления мордобития. Как бы то ни было, но командир полка уже сегодня высказал желание назначить меня начальником полицейской команды (соблюдение внешнего порядка на постое) и комендантом (заведование расквартированием полка, переговоры с жителями, возмещение убытков...). Конечно, откажусь.

Жаль, что письма пропадают. Не пропало ли письмо из Минска, где я пишу о стихотворении «Рубили старый сад»? Напишу теперь. Купи его: это №27 журнала «Весь Мир». Я это стихотворение ношу с собою в полевой сумке. А сегодня нашёл ещё один «перл»: в Новом Времени прочёл перевод из Альфреда де Мюне: «Прекрасный Рыцарь». За чтением его я и получил твоё письмо. Со странной жадностью ловлю теперь я всё красивое: закатную полоску на небе, красивое стихотворение, чутко исполненный дуэт с гитарой двух моих коллег. Это тоска о тебе, моя любимая царевна. И знаешь, как я свободен сейчас от страха быть осмеянным за то, что так мне нравится теперь наивное: «Белой акации...». Других дуэтов нет, а этот сам по себе даёт больше всего. И хорошо, что здесь мои товарищи по батальону очень симпатичны.

Аня моя милая, моя чудная, моя нежная! Как мне хорошо сегодня, когда протянулась от тебя ниточка той близости, о которой ты тепло вспоминаешь, говоря о последней нашей встрече.

Твой Толя.

Витольд – Анне

№19, 21.07.16.

Моя царевна чудная! Вчера не писал тебе: накопилось сразу столько неотвеченной корреспонденции, что ушло всё время на половину ликвидации; особенно длинно приходится успокаивать мать и больного отца. К тому же писать удобно только после 6 час. вечера и покуда светло, так как свечи приходится экономить.

Вчера и твоего письма не было. А сегодня пришёл №4, написанный 14-го числа. Отрадно, пока мы здесь: вся эта длительность почти как в Зубцове.

Какой ты нежной стала, Аня! Тебе всегда – мне казалось – не совсем нравилось, что я «ничего не требую», ни на что в тебе не претендую, ничего сам не вызываю. Царевна милая! А разве можно было при нашем знании друг в друге сильной воли вызывать самим сильные минуты? Мне так хорошо, так дорого, что ты сама, «с головкой непреклонной», даже скептически настроенная к таким переживаниям, идёшь ко мне со словами любви, с желанием забыть долю себя на минуту, на минуты... Милая Аня! Как я люблю тебя глубоко! Как я ценю в тебе этот повышенный интерес ко мне «в ущерб» другим. Видишь?

– а ты думаешь, будто мне не нравится это. Тут другой мотив: мне не хочется никак вторгнуться в твою жизнь: я ничего в ней не хочу изменять – разве только нежные струнки в твоей душе: они ведь гораздо нежнее звенят теперь, чем раньше... А, впрочем, об этом долго говорить не хочу.

Права ты будешь, если отпуск используешь весь на именине. Поездка по Волге, когда все устали от войны и «тыла», не даст отдыха. Иди к месту детства, а не современности. Бог с ней! Не думать о ней две недели у тебя есть выслуженное право.

Рука устала от репетиций для завтрашнего парада. Здесь это тоже в моде, но ведь это самая глупейшая сторона военного быта, да здесь солдат боевой подготовке учить почти и не нужно, а выправку и дисциплину потребовать позволительно и нужно, если есть время; в Зубцове это было только в видах карьеризма.

Получил уже несколько похвальных замечаний; уже организуется партия для проведения меня в... адъютанты (здесь много интриг). Значение имеет мой значок, Александровское училище, умение обращаться с солдатами, общительность. До сих пор не догадались только справиться о моём отношении ко всем нестроевым должностям.

Ношу с собою бумажник. Там всегда 4 карточки «чьих-то» и вид на рязанский Кремль. Как хорошо ты вышла на моей любимой карточке и какая там хорошенькая сестричка с грустными, любимыми глазами. Даже на занятиях я тайком вынимаю карточку – вечная тоска о чём-то красивом и дорогом.

Твой Толя.

Витольд – Анне

№20, 22.07.16.

Котик мой любимый, мой хорошенький! Сегодня пришла от тебя карточка (№5). Усталый чёрный Котик! Как хорошо всё-таки, что он написал хоть эти строчки. Здесь – в этом для меня единственная красота.

Сегодня плохо. Дождь шумит, ветер, слякоть. Наша халупа без дверей, всюду с дырами, почти без свету, так как только в двух окнах есть стёкла, – остальные закрыты ставнями.

Чувствуешь сыръсть, руки холодеют. Ждал твоего письма. Оно меня не обмануло. Как же теперь не ответить моему чудному любимому Котику.

«Откопал», по выражению Павла Ивановича, опять хорошее стихотворение в Нов. Сатириконе Арк. Бухова: «Нерассказанное» (№29). Интересно, что здесь у многих стихи находят заслуженное признание: ведь теперь любить поэзию не в моде. Оно очень похоже на мои прежние, может быть, даже недавние мысли о тебе. Только в них нет идеи «величия», идеи царевны. Теперь и мои старые стихи не совсем подходят к тебе. Особенно – после Зубцова, после вечера в Северной. Почему мне так ярко дорог момент, когда ты сидела на маленьком столике. Такой уютный, бархатный Котик...

Моя любимая, моя родная! Как мне сейчас дорого, что у меня есть кто-то близко-милый, кого так радостно любить, кто – я знаю – меня теперь любит. Без этой сказки трудно было бы ко всему привыкнуть, что приносит проза военщины. А сейчас как скоро и легко я уживаюсь здесь со всеми неудобствами.

Твой Толя.

Витольд – Анне

№20. Подольская ж.д. 26.07.16.

Аня милая! Вчера со станции Лунинец послал тебе секретку без номера. Сейчас заходит солнце. Приближаюсь к ст. Коростень, откуда получу новый маршрут (на Ковель? На Радзивиллов? На Одессу?). Дороги этой на карте нет: отрадно – у нас за войну возникли новые железнодорожные ветки. Не знаю, когда отправлю это письмо. Нигде не могу купить марок, даже ящики для писем не везде.

Что думается? Ничего, раз не знаешь совсем назначения. Слухи всякие – от ген. Брусилова до Болгарии. Как чувствую себя? Прекрасно: со старым скучным фронтом покончено; жизнь в вагоне лучше всякого житья по грязным деревенькам; погода отличная. Едем довольно скоро, почти «срочно»: стоим немного, кухни готовят обед в вагонах, а не на этапах. Правда, перед большими станциями простаиваем у закрытого семафора, но дело здесь в перегруженности больших узлов. А дорога красивая – даже новые станции все каменные, местность – лесистая и чернозёмная, встречаются красивые черниговские крестьянки, спокойным шагом, без напряжения тянут плуги волю. Нищая грязная моя родина уже на севере.

Сейчас закат. В новом теперь – северо-восточном направлении буду смотреть я в эти часы (ведь я не разучился и теперь искать тебя во время заката). Много читаю сейчас, много смотрю на твои карточки (они всегда со мною – в бумажнике, в кожаной куртке). Почему мне так грустно сейчас о тебе – не пойму. Сквозь строки читаемых книг, сквозь разговоры я чувствую эту тоску... Моя любимая, моя родная царевна!

Твой Толя.

27.07. Проехали уже древлянскую столицу. Ночью проехали Житомир и Бердичев. Сейчас – Казатин. Я дежурю сегодня по эшелону. Едем пока на Жмеринку.

Витольд – Анне

№25. Местечко С-ин, 8.08.16.

Мой чудный Котик! Сегодня ровно месяц со времени моего прибытия в полк. И только сегодня могу снова приняться за письмо. Может быть, оно и не пойдёт скоро, но мы остановились и потому хотя бы послать его в канцелярию можно. От тебя вестей никаких и не скоро ещё наладится почта: нас переводят из корпуса в корпус и там путают номера полевых контор. Уже мы вёрстах в 140 от места прежнего письма и выше метров на 800-1000. За это время много ночей прошли пешком, днём останавливаемся где-нибудь в тоскливом безлюдном местечке, где жителей мало, нет продуктов. В местечке Я-ув остановились биваком, в тоскливом безлюдном местечке, где жителей мало, нет продуктов. Ночи здесь холодные, но в палатках тепло. А днём, около 12 часов дня, пошли на смотр к генералу, герою фронта. Жара 35, разморила солдат. Генерал – боевой: ему не нужны парады; поздоровался с солдатами, вызвал нас всех и в 5 минут высказал, чего он хочет от нас. Чувствуется живая работа, энергия, инициатива. А к вечеру уже все собрались, и до полусотни автомобилей стали перевозить нас вёрст за 60 по горам (К-ув, К-ы, С-ц). Палатки увезли, и мы всю ночь ждали своей очереди; холод так и не дал уснуть. Сидел я у костра и думал о ком-то далёком и милым. Когда трудно или грустно – я весь ухожу в тоску о тебе.

Утром поехали. Солдаты торжествовали, видно. Я был рядом с шофёром и здесь изумлялся их безумию и смелости – постоянная быстрота, резкость поворотов, а они ведь работали без смены и сна вторые сутки (правда, в другое время они бездельничают). Дорога – горная: с одной стороны высокий крутой подъём, с другой – спуск к вечно-шумящей, быстрой горной речке, а за нею опять гряды гор, одна за другой, с красивой зеленью леса – лишь изредка как будто острижена вершина горы, деревьев нет, и солнце особенно ярко освещает небольшую покатуную поляну. Дома уже деревянные – видно, что горы, – но так же чисты и окружены садами.

Опять – постой до вечера, а там поход, уже пешком и не очень простой для меня: автомобиль всё-таки по дороге сел в канаву, скатившись с подъёма; я ушиб руку (солдаты в скатках не пострадали – мягко), к тому же разболелось горло. Дорога идёт всё время по горным речкам – их всё время приходится переходить, зачастую вброд (они очень мелки), так как мосты не все удалось исправить. Здесь уже местность беднее. Мало культурной земли; горы – в обладании евреев и мадьяр. В местечках пусто. Останавливаемся в домиках, где скоро удаётся навести чистоту; обоев нет, но их удачно заменяет обыкновенный обойный сплошной трафарет по штукатурке. У жителей находили кроны, бумажные деньги, медальоны с надписью «Gott strafe England» и т.п., изредка – пианино, хотя чаще всего расстроенное.

Здесь, кажется, постоим денёк – другой. Погода испортилась – сегодня дождь.

У тебя ведь ещё отдых? Что-то ты делаешь? Я ничего ведь не знаю. А люблю всё так же пылко, как было. Так часто мне хочется вызвать в себе воспоминания о Трубеже, о Зубцовской комнатке, о встрече последней. «Склонитесь вы, царевна, в тишине...».

Твой Толя.

Привет твоим дома.

Витольд – Анне

10 авг. №26

Мой милый Котик! Сейчас пользуюсь эвакуированным офицером из другого полка, который в тылу отправит письмо. Сажу в Буковине, вёрстах в 25 от Кирлибабы. С минуты на минуту ждём позиции, т.е. попросту похода с боем (далее вырезана марка и нет возможности воспроизвести). Уныло здесь – природа гористая и хвойная, некультурная земля. К вечеру уже ходили в шинелях. Пиши всё же. Авось получу хоть одно. Люблю. Тоскую.

Толя.

Витольд – Анне

№28 (кажется, 27-ой уже был). 18.08.16

Аня милая! Несколько дней не писал: часто руки холодеют, да и день уходит весь на сон – давно уже ночного сна не знаем. Вчера впервые пришла почта... но не ко мне, самому ревностному корреспонденту. Почты немного; видно, что старая ещё не пришла со ст. Замиры, а более новая, направленная уже сюда непосредственно, не вспомнила обо мне. Тебе не упрёк: я знаю, что ты в своём отпуску лишена была почтового сообщения.

Три дня постояли на позиции наши роты, сегодня с отдыха опять под утро уйдём туда. Начинаются серьёзные дни, о них ты скоро прочтёшь в газетах. Для нас – сегодня или завтра. Ещё на позиции узнали о выступлении Румынии. Всю ночь проговорил о ней в окопах с нижними чинами (днём в окопах не нужно присутствие – всюду война только ночью). Какие дети – солдаты, и глупые дети! Ни о каком укрытии сами без приказа не позаботятся, и только присутствие офицера может успокоить их волнение с наступлением ночи. Именно здесь ясно чувствуешь свою необходимость и...гордость, что служишь в пехоте: только здесь видишь ясно всё её значение, весь её труд и всё её нравственное преимущество перед другим родом войск. Вернусь когда-нибудь, расскажу яснее.

День пройдёт сегодня тихо, как проходили и ночи здесь в резерве. Скучно только. По вечерам занимались только мы с батальонными стихами: у него, как и у меня, много в полевой сумке разных листочков из газет и журналов с понравившимися стихами. Здесь так остро переживаешь отсутствие красоты (конечно, об этом тоскует не большинство).

Я, кажется, только это чутко и переживаю. Во всём остальном я страшно уравновешен, спокоен. Как будто нервы все сжаты в кулак, и никакого волнения не вырвешь в них. Вчера даже позабыл упасть на землю, когда близко, шагах в 40-50, разорвался тяжёлый снаряд (нужно падать и раскрывать рот – во избежание контузии); нарочно подходил к израненным и убитым. Это не бравирование и не храбрость (её здесь почти и не бывает), а какое-то особенное, подготовленное убеждение во всём возможном – и потому очень простым.

Сейчас вышел из чащи гадких елей на миленькую мшистую полянку, уселся и пишу на моём письменном столе и подушке – полевой сумке. Здесь и солнце греет, и вид открывается широкий на горы, и растут какие-то высокие стройные красноватые цветы. И о тебе можно думать свободнее.

Как я тебя люблю! Раньше, до наших последних встреч ты была больше королевой и величеством. Потом, а особенно теперь, я чувствую от тебя как-то много-много тепла; от одной мысли тоски о тебе мне уже уютно. И преклонение прежнее зажило вместе с глубокой нежной привязанностью к тебе. Эту привязанность дала мне только ты – где-то в Зубцове, когда первый раз сама «уселась удобнее» (помнишь?). Кажется вот без этого «сама» никогда бы не было этой тёплой близости – я сам бы сознательно не привлёк бы тебя к себе. Аня, моя любимая, моя радость, моя тоска! Ведь теперь у тебя не появится мысли, что я тебя меньше стал любить? Ведь нет?

Если сегодня не придут от тебя письма, значит, может опять оборваться связь. Один день может капризно удалить опять почту, без которой здесь все скучают так сильно. Грешно не писать в «Действующую Армию».

Твой Толя.

Витольд – Анне

№29 (23.08.16) Позиция.

Счастье моё, моя радость, мой хорошенький Чёрный Котик! Третий уже день приходят от тебя письма, по несколько, в спутанном порядке. Сейчас есть письма от №6 по №15 (от 12-го августа); нет только №8; карточку, где ты снялась в саду, получил (удачно, – только освещение неверное).

Что же сказать тебе? Что я безумно рад, счастлив? Ты это знать сама должна. Досадно, что нельзя было ответить: всё время было холодно так, что мёрзли руки, а со вчерашнего дня появилось солнце, но приказали снимать дознание по поводу одного «самострела» с пальчиком (вероятно, скоро расстреляют; да так и нужно). Стоим сейчас в окопах четвёртый день. Идёт наступление по всему фронту; перед нами мадьяры и германцы (сейчас над нами летает аэроплан с крестами, – по нему бьют наши пулемёты). Наша рота держится на месте, но каждую минуту должна быть готовой идти вперёд или принять на себя удар.

Чувства страха всё ещё нет. В себе лично я замечаю странную реальность мысли. Ещё никогда, кажется, в жизни я не ощущал в себе такую гармонию воли, убеждений, поступков и... чувства. Помнишь, я в Зубцове говорил тебе, как я представляю себе близкое будущее вместе с моей любовью к тебе?

Я думал правильно. Когда-то раньше, в отношениях к другим женщинам, я резко отделял от своего дела эти отношения. Сейчас я их – напротив – слил. То, что я здесь, и то, что я тебя люблю, – это одна неразделимая моя жизнь. И так просто и равнодушно я смотрю на раненного моего солдата, слышу, как визжит пуля надо мной, близ меня, узнаю, что убит прапорщик, прибывший одновременно со мною в полк.

Аня! Это не доблесть, не храбрость. Я бы даже не хотел, чтобы появилась эта мысль у кого-нибудь. Здесь, просто, есть та глубокая концентрация духа, которую знают мистики, глубоко верующие и люди здорового рефлекса. Я – из последних, конечно. Я никогда себе не прощу разлада между мыслью и волей. А прозу, схематичность, логическую сухость своей природы я счастливо скрасил всей глубиной любви к тебе.

Мне почему-то неприятно трудно говорить об этом. Я не пойму и сам. Быть может, страшно, что до такой глубины открываешь всю душу перед тобой, до какой никто ещё не допускался мною.

Довольно об этом. Я рад, что у тебя лежат аккерманец и елисаветградцы (мешают писать: очень уж близко летают осколки от наших снарядов – порция от порции шагах в сорока). Наивно, может быть, но, действительно, как будто есть связь. Хотя они старые. Отсюда уже никто из наших не попадёт к тебе, когда мы всего вёрстах в 40 от «королевских румынских войск».

Я рад, что удалось тебе побыть в твоём Назарьеве. Мне всегда жаль тебя за твою нелёгкую работу. Ведь ты – царевна.

Пришло ко мне за 3 дня 36 писем. Из них одно от Павла Ивановича. Бедняжку тянут на военщину – и действительно, в распоряжение Мин. Вн. Д. Это уже совсем обидно. Университет может уйти совсем от него.

Сегодня тринадцатый день позиционной жизни. И, кажется, не скоро смена. 13 дней уже не раздевались, не спим по ночам, не видим людей, кроме своих. До письма единственной живой струёй были маленькие польские книжечки из Коломны. Сейчас – письма. Пиши же, мой милый, мой дорогой Котик. Чем дальше от тебя, тем ещё дороже становятся знакомые конверты с быстрым почерком.

Твой Толя.

Артиллерия успокоилась, а письмо уже нужно кончать сейчас: придёт денщик с обедом.

Витольд – Анне

№30, 24.08.16.

Моя родная! Вчера вечером, уже в окопах, получил два письма: от 12-го числа (№15) и запоздавшее, самое нежное, самое лучшее, самое длинное – №8-й. Зашёл в блиндаж (взводные в двух шагах от окопов устраивают себе маленькие блиндажи; там может гореть свеча, и санитары ночью перевязывают раненых), прочёл – и хорошо, и тепло стало на душе от этой милой ниточки к далёкой любимой девушке, царевне, минутной невесте. Милая, любимая, нежная Аня! Какой красотой полно всё, что говорит о тебе, – красотой настолько сильной, что всё здесь сразу становится лучше, легче.

Как странно! В конце июля писала ты это лучшее письмо, вчера я писал своё тебе – одни и те же мысли вечером увидел я в них. Ты говорила, что не желаешь претендовать на половину моей жизни, а я вчера же высказал, что обе половины эти слил я в одно – и странно свободен я в своих поступках и в то же время ты царишь и в них, как и в моём чувстве, в моей любви к тебе.

Ты говоришь ещё и о том загадочном, чего тебе сказать я не хочу (не могу?). Аня! Ты, конечно, права, что трудно мне скрывать из-за тебя же. Я боюсь здесь ещё и того, что, может быть, совсем не то предполагаешь ты (ведь смутно же невольно доискиваешься). Хорошо было бы, если бы мы оба умели забыть, что есть это молчание меж нами. Скажу одно – ни с чем прошедшим, ни с чем, что вне нас с тобой, это не связано. Молчу потому, что я люблю тебя – только я и только тебя.

Об отпуске моём загрезил Котик чёрный. О нём мы и не будем думать. Здесь как-то выходит так, что только через 10-11 месяцев приходит очередь; значит мне она выйдет не раньше мая, июня 17 года, к концу войны (Вообще порядки в полку не симпатичны, а эти бои открывают мне и здесь эти неожиданные черты...). Командировок тоже быть не может. Одна эвакуация может дать нам более-менее скорую встречу.

Это вовсе не жестокая шутка. Здесь ведь так просто все относятся к таким представлениям. Сегодня уже сменились, дня на четыре, т.е. стоим в резерве, шагах в 500 от позиции. Значит, можно спать по ночам и жечь в шалаше огонь, чтобы согреться. Но завтра утром надо мне идти с большей частью роты на работу (исправление дорог). Нужно до рассвета пройти вёрст 5 и в сумерках уйти в убежище от тяжёлого обстрела. Вот почему сейчас спешу написать письмо. Сейчас половина девятого; уже затрещали на позиции, а где-то далеко-далеко на северо-востоке хорошенькая сестрица в сером несёт дежурство (ведь так?). Как мне хорошо, что я знаю по крайней мере это о тебе сейчас, когда подумаю.

Какая ты чуткая! Затосковала немного в письме, что в комнатке твоей нет меня, и уже постаралась сказать, что это только минута. Котик мой! Ведь совсем не грешно скучать, желать встреч и ... не любить современности. Мы не убегаем от неизбежности, но любить другое, желать Трубежа, скамейки в твоём саду никто не может запретить нам обоим.

Твой Толя.

Витольд – Анне

26.08.16.

Редко идут письма? Виной тому почта, походы, отрывающие от постоянной полевой конторы, позиция, когда темно, холодно или сыро. И только сейчас, вероятно, уже регулярно приходят мои письма. Сажу в ближнем резерве – всё беспокойно – с минуты на минуту ждём приказа о подаче поддержки или отправлении на работу. Послезавтра опять на позицию. Здесь маленькая задержка – продвигаемся сантиметрами. Но продвигаемся. Сегодня скучно особенно: денщик не принёс книги (да чуть и обед не растерял под снарядами). Подожду терпеливо вечера – придёт почта. Как её здесь все любят! Привет Вашим дома.

Витольд Фаддеевич. (далее неразборчиво).

Витольд – Анне

(сентябрь 1916г.?)

Наконец-то налаживается почта. Но письма ко мне ещё не приходят. Живу жизнью культурного городка. Ушли евреи да австрофилы. Живу в интеллигентной польской семье и с радостью ловлю в них отзвуки моих же взглядов. Порядок полный; строго держат солдат; население с благодарностью отзывается о В.С.Г., тотчас же подвезшем продукты. Радуются взятию Подчапр (?), Гампа, Мариамполя – тут мадьяры оставили ужасную по себе память. Пишу на веранде, перед ней палисадник, дальше скат, а за ним ровный простор до горизонта и дальше горы – я вновь в Крыму. Привет всем твоим.

Твой Толя.

Ванда Фаддеевна Ярмолович (сестра Витольда Фаддеевича) – Анне

6 апреля 1917г.

Дорогая Анна Ивановна! Что-то о Вас ничего не слышно. Всё время ждём Вас к себе. Теперь самое время освежить могилу Толика – теперь я думаю можно и посадить сирень. Пишите скорее, как приедете и приедете ли вообще? А мы без Вас соскучились, очень часто говорим о Вас. Приезжайте же скорее. Да, я извиняюсь за наших. Они получили портрет и даже не написали Вам об этом. Я думаю, Вы уже успели их узнать и поэтому понимаете, что это происходит не от недостатка чувств к Вам. Пишите скорее, когда приедете.

Целую Вас крепко.

Ванда.

Комментарий М.С. Мирчетич:

Немного об «авторах».

Моя бабушка, Анна Ивановна Мельгунова (впоследствии Мирчетич), родилась 29 марта 1893 года в Рязани, в дворянской семье. Её мама, Анна Александровна Мельгунова (урожд. Ершова), была дочерью основателя «бауманки» профессора Александра Степановича Ершова. Закончив гимназию Якимецкой в Рязани, Анна Ивановна училась на высших женских курсах В.А. Полторацкой в Москве. Филологию там преподавал Витольд Фаддеевич Ярмолович (по семейным преданиям). Между молодыми людьми вспыхнула любовь.

В момент переписки и позже, вплоть до 1921 года, Анна Ивановна служит сестрой милосердия сначала в госпитале в Рязани, а после гибели Витольда Фаддеевича – в действующей армии. 10 октября 1919 года она выходит замуж за начальника санитарного поезда (госпиталя на колёсах), сербского подданного Младена Петровича Мирчетича, выпускника медицинского факультета Московского университета. В 1921 года семья переезжает в Рязань, в дом матери на Болдыревской (ныне ул. Некрасова), приобретённый в 1886 году, в котором моя семья проживает до сей поры.

Дальнейшая деятельность Анны Ивановны Мирчетич-Мельгуновой связана с общественной работой. Умерла она в 1955 году на 62-м году.

Витольд Фаддеевич Ярмолович. О Витольде Фаддеевиче известно мало (даже странно, как бабушке удалось сохранить его письма, которые я нашла в сарае в корзине для бумаг). Из переписки следует, что родился он 10 июля 1891 года, по национальности, видимо, белорус или поляк. Поражают его эрудиция, начитанность, умение излагать мысли, привязанность к семье родителей и умение глубоко любить.

Переписка охватывает период с марта по сентябрь 1916 года. Сохранилось 11 писем Анны Ивановны и около 40 – Витольда Фаддеевича. Он погибает, поэтому и письма к нему не сохранились, кроме нескольких.

Марина Светозаровна Мелешкова-Мирчетич.

г. Рязань, 14 февраля 2010 года

Письма
от полковника Василия Васильевича Григорова в Рязань, жене –
Александре Ивановне

Из семейного архива Л.Г. Григорова, Рязань.

Подготовка текста, комментарий – Григоров А.И., Москва

Я публикую письма из семейного архива Л.Г. Григорова (Рязань). Это фронтовые письма моего прадеда, командира 105-й Рязанской ополченской дружины зауряд-полковника В.В. Григорова, которые им были посланы в Рязань жене Александре Ивановне¹, и некоторые сохранившиеся её ответные письма. Часть писем с фронта послано по почте, часть – «с оказией»².

30 сентября личный состав 105-й дружины Рязанского ополчения, после устроенных жителями Рязанской торжественных проводов на ж/д станции «Рязьск-1» был погружен в вагоны и отправлен из Рязанской на фронт. Первая достаточно продолжительная остановка в пути следования состава была в городе Горбатове. Здесь состав был задержан на сутки, и Василий Васильевич Григоров начал писать письмо жене.

Письмо первое

«Витебск, 2 октября 1914г.

Приписка: «Дорогая Шура! Начал это писать в Горбатове, а кончил в Витебске. Ждем все чтобы что-нибудь определилось».

«Дорогая Шура!

Вот наконец выступаем. Провожал нас город с помпой, только евреи смеялись. Сегодня был Любек, город еще меньше /.../ (расплылось – А.И.Г.) Я повел часов в 5 после обеда пешком на станцию ж.д. /.../ Ждали, садились в вагоны ночью, все мы промокли. Трудно очень было грузить в вагоны: лошади не идут, темно, вместо 8 час. вечера мы кончили погрузку в 12 часов ночи и значит опоздали на 3 (? – А.И.Г.) часа, но железная дорога нас очень хорошо везла, не задерживала на станциях и теперь мы нагнали свое опоздание и даже вышли вперед. Дали нам вагон 3 кл., но недавно отделанный, чистый, устроились мы хорошо. Хотел это письмо отправить тебе из Смоленска, но в Смоленске у нас вышли изменения в распоряжениях и мы вместо того, чтобы попасть туда, куда были назначены попали в Витебск, и сейчас здесь сидим на квартирах – дачах в 1/2 верстах от города; возни было очень много; все в дружине собрались на жел. дороге и жили в вагонах и вчера только мы перебрались из вагонов. Сколько времени мы здесь пробудем неизвестно и сейчас устраиваемся. Все дачи отапливаются и так что спать тепло, но эти дачи были заняты евреями и /.../ (расплылось – А.И.Г.) масса, но с этим приходится мириться. Все офицеры – мы будем столоваться вместе, мой вестовой будет готовить. Я купил примус здесь, город большой, гораздо больше Рязани, магазинов масса, достать все можно. Дачи наши расположены на берегу Зап. Двины, место очень красивое, может быть найду в городе открытки с этим видом – тогда тебе пришлю. Пиши мне по такому адресу: город Витебск, Василию Васильевичу Григорову, Управление Уездного Военного начальника. Больше на конверте не пиши ничего ни чина, ни названия дружины и наклейте марку в 10 коп. Такое письмо дойдет скорее.

Как ты устроилась, получила ли деньги?

Как Юрка и Шурка ?³ Очень плохо что ничего я не знаю и долго еще не получу от тебя известия.

Это время был очень много занят, так что как-то забывался, сейчас же все входит в норму и очень чувствуется недостаток известия, беспокоюсь как дети, как ты чувствуешь /.../ (расплылось – А.И.Г.) Самое главное сколько мы пробудем дней. Здесь такое положение, что через 2 часа после приказанья мы можем уже уехать.

Ну, прощай, всего хорошего, целуй детей, поцелуй их и от меня.

Целую тебя, дорогая моя Шура.

Твой Вася».

Ответное письмо от Александры Ивановны Григоровой

«11 октября

Дорогой мой Васенька

Две открытки и заказное письмо я получила. Очень рада мой милый, что ты доехал слава Богу, хотя не до самого места назначения, хотя на время, но все благополучно добрался и чувствовал себя хорошо это самое главное. Город ты говоришь хороший, достать все можно я очень рада что ты мне все описал подробно про себя и теперь я успокоилась только одно беспокоит тепло ли у тебя в квартире – ведь дачи смотри не простудись. Про себя скажу доехали мы хорошо квартиру я наняла но не довольна ищу другую

на Бутырках⁴ очень трудно найти маленькую квартиру, все занято а больших очень много так что приходится искать, прислугу я себе наняла очень хорошую в Рязани 6 р. в месяц. Юрка очень скучает об тебе, все пишет тебе письма каждый день столько истребляет бумаги – просто беда, сейчас он спит это уже не применно положил свои письма ко мне, как ложится спать так молится Богу уморительно: Господи помилуй папку, что-бы немцы его не убили и Красотку⁵ тоже помилуй, пошли Боженька скорей папку вернуться я соскучился. Смех и грех с ним право. Шурик что то все жалуется хотя ему теперь лучше была у доктора нечего не нашол опасного только все понос но теперь стало лучше. Ты Васенька спрашиваешь про деньги получила-ли я. Да на третий день как приехала но что значит я получила не столько сколько ты говорил. За один месяц я получила 199 р. с копейками а за другой 66 р. с копейками почему так не ровно я не знаю я спросила у секретаря воинского начальника почему за один месяц так мало а он мне сказал, что на верно Ваш муж получил отметок у нас нет значит получил и в казначействе удивились почему не ровно и советовали кто выдает деньги справится у воинского начальника но я больше не ходила. Как ты скажешь, если ты не получал но очень жалко вдруг сто руб. пропадут напиши мне как поступить, может быть к Языкову обратиться одним словом ты напиши а упускать очень жаль.

Еще Васенька вот что помнишь на Але-Невс я брала у Души (? – А.И.Г.) 200 р. – пришлось отдать. Она была в Рязске, думала что мы там но не захватила. Приехала прямо к Николаю Павловичу⁶ она его знает а он ей сказал мою квартиру, и так что пришлось отдать – очень было жалко но я вижу...» (Конец утрачен – А.И.Г.)

Письмо второе

«15 октября 1914г.

г. Витебск

Только сегодня получил твое письмо, дорогая моя Шура, я уже хотел давать телеграмму что такое значит, что от тебя нет никаких писем. Письмо твое получил то, которое ты писала 11 октября. Писала ли ты раньше или нет? Если ты получила только одно мое письмо заказное, то значит два письма в открытках посланных по полевой почте до тебя не дошли. Может быть ты их и получила /.../ (расплылось – А.И.Г.) теперь наверное они затерялись.

Относительно денег могу тебе сказать, что воинский начальник напутал, многие воинские начальники напутали и у многих офицеров жены еще ничего не получали. По приезду ты должна была получить:

1). оставленное мною содержание:

За август 150 р.

За сентябрь 150 р. – 300 р.

2). За наем прислуги за эти два месяца – 20 р. и несколько там за июль месяц.

3). Квартирные за эти 2 месяца со дня моего призыва.

Видимо, тебе дали оставленное мое содержание только в одном месяце.

Об этом я сегодня пишу Воинскому начальнику письмо, а завтра отправлю ему официальную бумагу о неправильной выдаче тебе денег.

Очень жалко что ты не пишешь за какой месяц ты получили 66 р., а за какой месяц 199 р., а также не пишешь точно, сколько тебе дали: с копейками, ведь /.../ это очень неопределенно. Зная точно, сколько тебе выдали, мы здесь могли бы рассчитать, что тебе не додано, и где сделана ошибка⁷.

Что отдала деньги Душе /.../ (неразборчиво – А.И.Г.) это ничего не безпокойся, я думаю что мы с тобой в это время скопим хоть немного; долг этот /.../ нужно было отдать. Я тебе отсюда еще пришло денег, мы должны здесь получить полевые порции, но только когда мы их получим – неизвестно. Требование мы послали еще в Рязске, и теперь к нам пришли ассигновки, но на Рязское казначейство, а в Витебском по этим ассигновкам денег не дают. Придется теперь требовать снова и скоро ли отправят не знаю. Воинский начальник тебе вероятно скоро додаст 150 руб., а то ты тут пожалуй сидишь без денег.

Придется мне здесь, как ты говорила, покупать экипаж и еще лошадь: была у нас начальника нашей бригады и хотя ничего не сказал, чтобы я купил экипаж, так как это мое личное право покупать или не покупать, но вероятно что будет трудно без экипажа. Здесь я думаю, что я найду какую-нибудь тележку на рессорах рублей за 75-100, а лошадь здесь купить трудно хорошую, да и дорого.

Здесь у нас масса евреев – на улицах куда ни помотришь все евреи; с вечера пятницы до вечера субботы все еврейские магазины закрыты и буквально ничего нельзя достать.

Много комиссионеров и вот я поручил одному из них не найдет ли какой-никакой экипаж и лошадь. Пока ничего не получилось, приводили одну лошадь ничего себе, но только дорого 180 руб. – и я не взял. Не найдется подешевей – и не буду покупать.

Поместились мы здесь порядочно. В дружину прибавили офицеров и нас вот сейчас 13 человек. Живем в одной даче, и сплю в одной комнате с братьями Протопоповыми⁸, топил печку и пока тепло, но только сильно дует в пол: пол из одних досок без черного пола. Мы все хотим переехать в другую дачу она побольше да и вероятно будет теплее.

Я до сих пор не надевал еще твоей теплой рубашки и кальсон, не хочется приучиваться сейчас к теплоте, погода все время у нас была хорошая, только вечером и ночью было холодно.

Сегодня весь день лил дождь со снегом. Сейчас мне приходится много ездить верхом – когда еду в город, да и на ученья, понемногу начинаю приучиваться к верховой езде. Столуемся мы все вместе, готовит Матвей⁹, на общий счет купили посуду – в воскресенье делал пирог с капустой – вышел очень хорошо.

Матвей просил тебя кланяться Юрику и Шурику. Дорогой Юрик все скучает обо мне, как бы хотел миг его повидать, а с тобой, дорогая Шура, еще месяца нет как расстались, скучно без тебя, хоть и хочется повидаться с тобой, но сейчас нельзя – не будь маленького Шурика, ты могла бы приехать сюда, а с маленьким Шуриком трудно, да еще он болеет – за чем не поешь? Вероятно все понос /.../ (расплылось – А.И.Г.)

Пиши мне почаще а то столько времени не получал от тебя писем.

Отчего ты поселилась на Бутырках, вновь теперь хорошую квартиру не найдешь. Если тебе не хватает прожить те 200 руб. которые ты будешь получать напиши – может будет увеличат, если мы передвинемся куданибудь дальше, то я буду получать больше. Пиши скорей.

Юрику скажи что папа его целует. А что ночью молится за меня, пусть ждет меня и Красотку – она сейчас спит. Грива только жидкая, а шерсть лоснится, пожалуй, из всех лошадей в бригаде у меня самая красивая. Да, сейчас посоветовался с Александром Владимировичем (Протопоповым – прим.А.И.Г.) и решил послать военному начальнику тоже официальную бумагу, а письмо от себя не буду писать, т.к. все равно и по нашей бумаге он додаст тебе; ты все таки напиши мне подробно точно: сколько и в какой месяц выдано тебе денег и сколько он тебе додаст.

Ну всего хорошего, дорогая. Как то не хочется писать тебе, что «целую», а так бы хотелось тебя на самом деле поцеловать.

Поцелуй от меня Юрика, Шурика, Васю¹⁰. Поклон всем знакомым. Карточка твоя все у меня в портмоне ты и будто все время со мной.

Целую тебя дорогая моя Шуренька не скучай, может быть скоро увидимся, не беспокойся, пока нам никакой опасности не грозит, а в Действующую Армию пока перейти трудно, если буду переходить то обязательно напишу.

Пиши скорей, чаще. Целую тебя, детей.

До скорого свиданья – твой Вася.

Ps Шурик ко мне не привык и почти не знает меня, а тебя и ...» (Оторвано – А.И.Г.)

Приписка сбоку: «Сейчас же совершенно не известно, сколько мы пробудем здесь когда выяснится – напишу.

Может быть денька на 2 приедешь ко мне. Напиши мне, согласна ли ты приехать с детьми и нянькой».

Письмо третье

«18 октября 1914г.

г. Витебск

(Начало вымарано цензурой, но можно прочесть: «...едены к Нов...орг...ску» – А.И.Г.) «...Это верст 80 дальше Варшавы, но пока неизвестно, попадем ли мы в самую крепость, или будем стоять где-либо по близости. (Я бы хотел попасть)¹¹.

Во всяком случае, беспокоиться тебе пока нечего, от немцев /.../ (вымарано – А.И.Г.) мы будем еще далеко. Пока адреса точного тебе не могу дать; до получения моего письма пиши мне: Действующая Армия, 18 Ополченческая бригада, 105 пешая Рязанская дружина, подполковнику Григорову. (Эти письма с таким адресом можешь отправлять без марки.)

В письме не пиши ничего такого, чтобы показывало что мы стоим в крепости Новогеоргиевской¹², т.к. письма проходят через военную цензуру и все это будет ими вычеркнуто или прямо письмо не дойдет.

Уходим мы опять так экстренно, что деньги мне не пришли, все наши офицеры сидят на займах в счет жалованья¹³ так что денег тебе вышло уже из Новогеоргиевска.

Рязанскому воинскому начальнику бумагу послали и теперь до него значит дойдет. Он тебе дает мало квартирной – около 34 рублей. Я написал, что квартирные должны выдаваться по должности командира отдельного батальона, кажется по Рязани это составляет 50 руб. с лишком да еще 10 руб. на наем прислуги. Вообще, напиши скорей как он тебе дает деньги.

Взяла ли ты мою пенсионную книжку от Шульгина¹⁴. Возьми ее и храни у себя. Пиши пожалуйста почаще. Передай Маруси¹⁵ поцелуй и мою большую просьбу, что бы она побольше времени проводила с тобой что бы следила б и отгоняла от тебя скуку.

Юрочку поцелуй и скажи что папа ждет от него письма.

Война что-то затягивается – Турция объявила войну – ну да это все ничего, ты не беспокойся, никакой опасности не грозит нам.

Целую тебя детей, не скучай и не волнуйся, все будет по-хорошему.

Береги себя, детей и

Не забывай своего Васю».

Письмо четвертое

«5 декабря 1914

Дорогая Шура

Наконец то я получил от тебя письма, сразу получил три письма, одно из них заказное, письма я получил те, что ты писала 6 ноября, 21 и 25 ноября.

Мы находимся все на месте, первое время жили все офицеры вместе в деревне в оставленном доме. 11 ноября мы перешли на форты и я живу в казенной квартире подпоручика крепостной артиллерии Грицука, живу вместе с Алексей Михайловичем Слепцовым. Матвей нам готовит, он оказался очень хороший, мне нравится, все вещи держит в порядке¹⁶. Я ездил в Варшаву, думал увидеть там Вихровского¹⁷, нашел его квартиру, но мне сказали, что при первом наступлении немцев на Варшаву все служащие уехали в Москву и оттуда еще не возвращались. Так мне и не пришлось его повидать. Варшава красивый город, совершенно заграничный, куда лучше Петербурга и Москвы.

Ты пожалуйста не беспокойся, денег у меня хватает, я может быть тебе еще вышлю – ведь жалованье я получил большое. Напиши мне как хватает тебе содержания – живи лучше а то знаю тебя – будешь урезать себя. Юрий вероятно очень интересный в полушубке; почему ты не исполнишь своего обещанья: ты хотела сняться и прислать мне карточку – ведь у меня нет ни одной твоей карточки. Ты пишешь что скучаешь – а я то – я до сих пор не могу привыкнуть – иногда целые часы ходишь из угла в угол. Главное – сейчас пока нельзя никак ничего устроить чтобы ты приехала: в крепость совершенно не пропускают женщин – все семейства офицеров выселены, многие из жителей постоянных из города тоже – везде или пусто, или новые /.../.

И от нас трудно уехать, да и в Варшаве теперь строго следят чтобы офицеры не проживали без дела; вот может быть как немцы отойдут, тогда может быть будет менее строго и тогда я уже постараюсь как нибудь выписать тебя хоть на несколько дней, – как было бы хорошо, если бы это исполнилось – но нас могут передвинуть еще куда-нибудь и тогда наши расчеты рухнут.

Война что-то затягивается и сколько она продлится – трудно сейчас сказать. Адрес мой теперь ты пиши иначе – т.к. если мы выступим куда-то, ведь о выступлении...» (Оборвано, конца нет – А.И.Г.)

Письмо пятое

«4 января 1915

Дорогая Шура

Письма которые ты писала 12, 19, 23 декабря я получил, хотел тебе писать к праздникам, да все ждал, чтобы определилось наше положение. Я тебе писал что нас из крепости переводят, теперь известно: на днях, т.е. может быть сегодня в ночь или завтра мы выступим в Пултуск это верст 50 от нас, пойдем походом, это наше первое передвижение пешком на большое расстояние. Ты пожалуйста только не беспокойся – от немцев мы будем еще далеко и пока никакой опасности для меня нет.

Ты спрашиваешь о полушубке, я не покупал – погода здесь теплая, зимы нет, только слякоть, все время идет дождь, в мокрую погоду полушубок совершенно не годится. Морозов у нас не было больших, только несколько дней стояли холода, я даже фуфайку надевал несколько раз, постоянно не ношу, чтобы не приучать себя.

Новый год мы встретили все офицеры полка вместе, пили шампанское, а скучно было, так бы хорошо было встретить с тобой и детьми. На другой день 1 января всех офицеров дружины и артиллеристов, которые стоят с нами, я пригласил к себе, устроил им обед, всего собралось около 25 человек, обед вышел хороший.

Ты пишешь и жалуешься, что Яков уже несколько раз ездил к /.../ но этот Яков¹⁸ вероятно все время стоит в Саратовской губ., их дружину кажется не трогали, а мы в других условиях: когда мы были в Витебске, туда к некоторым жены приезжали – и что же вышло: жена приехала сегодня а дружина в эту ночь ушла. Ты подумай если бы ты приехала – ведь без детей ехать нельзя; – на кого их оставишь – приедешь, а меня не найдешь на моем месте – что ты будешь делать одна с детьми в незнакомом городе? Пока мы стояли в крепости – туда /.../ очень трудно провести особенно с детьми – я все думал разрешат семьям вернуться, а теперь нас переводят.

Ты не можешь себе представить как я соскучился по вам, как бы хотел видеть тебя – иногда прямо хотел писать тебе чтобы ты приехала одна, но потом раздумаешь и не пишешь, – как будут дети, как ты будешь беспокоиться за детей, приходится теперь терпеть, пока не будет большого успеха, пока не прогоним немцев. Пиши мне пожалуйста чаще, ты ведь знаешь, какой я ленивый писать письма.

Как жалко, я до сих пор не получил твоей карточки. Да напиши мне пожалуйста выслать ли тебе денег, и не нужно ли тебе прибавить? Пожалуйста, напиши скорей. Юрику скажи, что Красотку привезу, она теперь стала очень хорошая лошадь, отъелась, Шишкин¹⁹ за ней очень хорошо ходит, мне ее оценивают здесь в 400–500 руб.

Я очень благодарен Марку Семеновичу²⁰ что он посоветовал мне ее купить. Ну всего хорошего тебе, целую тебя /.../ вот если бы это не бумага, а действительно!

Юрке скажи папа его любит, не забывай меня, поцелуй Шурика – не беспокойся только обо мне – как будет какая либо опасность – я тебе обязательно напишу.

Целую не забывай своего Васю.

PS Передай привет Кутуковым Маруси с Варварой, Шуре²¹, поздравь всех пожалуйста от меня с новым годом а Шуру с новорожденным.

Всего хорошего целую тебя

Не забывай Васю».

Письмо шестое

«29 января 1915

М. Рожаны

(Приписка сверху: «P.S. меня произвели в командиры 455 ба /.../ (расплылось – А.И.Г.)²² и переименовали в полковники – тебе будет с деньгами полегче»²³

Письмо твое, дорогая Шура, получил в Пултуске²⁴, письмо это писала ты 15 янв. По письму твоему я чувствую, что ты на меня сердиться; ты пишешь: «ну да не будем об этом говорить». Это ты пишешь, что нам не удастся повидаться. Сердишься ты совершенно напрасно, и вот почему: когда мы стояли в крепости, мы знали что это непостоянная наша стоянка; другие дружины уходили из крепости так, что им сообщали об этом бывало часа за 3 или 4. Что моя дружина не попала в такую передрагу, то это только случай да жребий. Если бы ты была в это время у меня, то пойми что бы я тогда делал: ты должна была бы одна остаться устраивать переезд в Варшаву и оттуда устраивать билет домой. Ведь теперь поездов из Варшавы мало, говорят все они переполнены и приходится ждать несколько дней, до тех пор пока удастся получить билет.

Ты разсуждаешь в Рязани, а вряд ли вдаль видно /.../ – тут к некоторым приезжали жены в другие дружины, и я видел как они мучались после отъезда мужей – коменданту не до них, билетов нет или у перекупщиков очень дорого²⁵ (хотя я и слышал что поезда /.../ полупустые, может врут – не знаю). Так же и если бы ты приехала в Варшаву, то вновь я не могу сказать что я в эти дни могу то же приехать – мне же командиру дружины очень трудно уехать от дружины; нужно разрешение коменданта крепости, а он очень трудно дает разрешение, да и то если совершенно спокойно.

(Я очень скучаю, но сам не хочу терять время, что дает случай получше научить моих /.../ а то после ни Бог, ни я сам себе не прошу если что).

Нашему например генералу, начальнику бригады он ни разу не давал разрешение, т.к. не кого было оставить за него. Видишь как было – и что же мне сделать? Выписывать тебя к себе растревлять тебя и себя и мучиться, что ты близко и нельзя увидеться.

Теперь и моя дружина ушла из Пултуска экстренно. Ну это я тебе напишу по порядку. Из крепости сюда мы шли 2 дня, тут верст 50 с лишком, поход этот я сделал легко, часть ехали верхами, часть пешком, часть в экипаже /.../ (расплылось – А.И.Г.).

Здесь для нас были отведены квартиры в городе, так же как и в Рязске, мне попалась комната очень далеко от казармы, я начал искать поближе, нашел одну комнату в еврейской семье, большая комната с хорошей мебелью, с отдельным ходом, но пробыл тут и только несколько дней – оказалось очень холодная комната – топили 2 раза и не могли натопить, да и Матвею в /.../ (расплылось – А.И.Г.) было ходить и готовить обед /.../ (расплылось – А.И.Г.) с евреями неудобно (т.к. Матвей Архипов – старовер, прим А.И.Г.). Потом удалось найти отдельную квартиру, очень удобная с кухней, расположились с Матвеем очень хорошо, да только вышло все не так как предполагалось. Третьего дня меня разбудили в 5 часов утра – приказание в 12 ч. дня выступить в Рожаны за 32 версты. Это было совершенно неожиданно. Шли мы походом и только в 10 вечера прибыли на место. Этот переход был очень труден, во первых далеко, а во вторых к вечеру было очень холодно, сильный ветер навстречу, все мы здорово устали. Здесь мы поселились в казармах, у меня хорошая большая комната, теплая и вчера Матвей уже готовил обед. Но сколько мы постоим здесь опять не известно. Ты опять пожалуйста не беспокойся, до немцев далеко – мы находимся чуть не в 4 линии. Я очень рад, что Боря²⁶ заезжал проститься с тобой, мне же с ним не придется увидеться. Относительно Васи понятия ничего не имею, но только думаю, что он по своему характеру и здоровью не подходит для технического училища.

Относительно денег придется сделать так: у меня есть еще недополученные деньги, которые еще не отпущены, т.к. за нашими переездами не успели получить талоны. Если постоим здесь долго – то может быть получу здесь и тогда тебе пришло, что бы ты их отложила на всякий случай. Если же тебе они нужны сейчас на расходы – то я их возьму прямо по документу до их отпуска; хотя это и не особенно удобно, но если тебе нужны сейчас то я сделаю.

Выигранные мной деньги у Рез /.../ (расплылось – А.И.Г.) в Рязске до сих пор не получил – так они значит пропадут. Мне кажется тебе мало дают квартирных: как можно точнее: какие деньги и сколько ты получаешь:

Жалованье 150 р.
квартир ?
на наем прислуги – 10 р.
на отопление и освещ. ?
и т.д.

Хотя после приезда это все можно потребовать, но все таки лучше сейчас выяснить.

Дорогая Шура, ты пожалуйста не волнуйся и старайся быть спокойной. Конец войны трудно предвидеть, может быть долго а может быть скоро. Будешь сильно волноваться – я буду здесь беспокоиться о тебе. Ты мне должна верить: при какой-либо опасности я тебе обязательно напишу.

Ты не можешь представить, как скучно без тебя и без Юрки, ты не обижайся, вот я к Шурику мало привык и Юрку понятно больше мне хочется увидеть.

Ждал я твоей карточки да что то не присылаешь. Присылай пожалуйста скорей. До свиданья, моя дорогая Шурка, м.б. скоро увидимся, надейся что все будет хорошо. Целую тебя крепко, так бы и обнял тебя сейчас но даже карточки твоей нет.

Целую тебя и детей, не забывай своего Васю».

Письмо седьмое

(с оказией)

«15 февраля 1915

Дорогая Шура

Письмо посланное тобою 25 января я получил вчера. Сегодня Александр Владимирович отправил своего вестового домой, и я отпускаю Матвея, пусть себе хоть он побывает дома, раз мне нельзя (у него ведь шестеро ты знаешь, и мать больна).

Сейчас мы стоим в Рожанах, – вероятно, ты на своей карте и не найдешь – это на реке Нареве между Пултуском и Остроленкой. Недавно, вновь немцы сделали прорыв и дошли до Макова²⁷, но теперь их отбросили – взяли пленных, но и наших много погибло – я писал тебе как у нас с б-припасом. Мы не участвовали, участвовали ли другие дружины, того не знаю, но говорят участвовали. Здесь такая дыра – ничего нельзя достать; газет нет, страшная скука; с Матвеем я ничего не могу послать – здесь ничего нет²⁸

Что ты беспокоишься что будто я тебя забываю, забудь, пожалуйста, будь спокойна, отгоняй от себя такие мысли, ты ведь знаешь, какой я ленивый на письма, вот от тебя я редко получаю письмо, одно или два в месяц²⁹.

С февраля ты будешь получать от воинского начальника не 150 р., а 250 р. в месяц; аттестат я уже послал в Рязань – воинскому начальнику. А то что скажут «боевые действия» – не беспокойся, сейчас у нас тихо.

С Матвеем пришли обязательно свою карточку и детей. Пойми что же встречаться: все время и путей /.../ (расплылось – А.И.Г.)

И в общем можно сказать, что наши дела не так чтобы уж очень хороши – не верь газетам. Очень уж большие потери убитыми и ранеными, а тут еще эти прокламаторы³⁰, они наши, мерзавцы – я двоих предал суду.

Но все таки почти общая уверенность что побьем немцев.

Дорогая Шура, пожалуйста брось свои черные мысли, относись с доверием, не скучай, вот и мне не сладко – вчера писал семьям наших /.../ (расплылось – А.И.Г.) знаешь, как тяжело, а приеду в Рязань – не знаю вообще как придти³¹

А без тебя так бывает скучно что стоишь и не знаешь что и делать!

Целую тебя, Юрика, Шурика и Васю. Всем всего хорошего.

Не забывай Васю».

Письмо восьмое

«11 марта 1915

Дорогая моя Шура

Только что отправил тебе предыдущее письмо, как приехал Матвей и привез твою посылку. Большое тебе спасибо за все, подсвечники очень хороши да жалко в походе они испортятся³². Сладкий пирог Матвей довел очень хорошо – был совершенно цел, почти не помялся. Очень вкусный, только мы перемазались. Но он все довел очень хорошо.

Очень рад был получить карточки детей, а что не прислала свою – то это не хорошо. Давно бы могла сняться (снималась многократно, не прислала потому, что сама себе на фото не нравилась – прим. А.И.Г.).

Как вырос Шурик, его теперь совершенно не узнать, Юрий молодец в полушубке, очень жаль что нет твоей карточки.

Борису я написал письмо, но до сих пор не знаю, где он, от него письма не получал. Матвей мне описал твою квартиру и я тут узнал, что ты все-таки поступила по-своему, не смотря на то, что я просил тебя не делать этого, да и это не вызывается необходимостью. Ты сдашь комнату кому-то – а для детей не отвела отдельной детской где бы они могли играть. Зачем ты это сделала – понять не могу: в денежном отношении эта сумма вероятно ничтожна и не может тебе помочь.

Приходится думать, что ты это сделала по своей всегдашней привычке поступать против моей просьбы. Ты согласишься сама что вновь деньги которые ты получаешь за комнату – ничего тебе не прибавляют – ты получала 200 руб., а теперь получаешь 300 руб. в месяц. Ну, /.../ (расплылось – А.И.Г.) отдала комнату, урезала от детей помещение, – и ничего мне об этом не написала. Теперь я думаю, что еще много есть, о чем ты мне не писала и вероятно все, что я тебя просил при отъезде ты не исполнила. Зачем ты это делаешь? Зачем стараешься всегда поставить преграду между мной и собой? Если ты не хочешь мне писать правды, то я тоже не стану писать тебе всего, что у нас происходит – тебе разве понравится?

Совершенно тебя не понимаю но это меня очень беспокоит и для меня очень не приятно, что ты так относишься ко мне. Такая видно моя судьба и ничего не поделаешь. Видно никогда я не добьюсь от тебя такого отношения к себе, как мне хочется.

Это письмо я посылаю тебе с одним офицером Слепцовым, (ты его наверное знаешь) который завтра едет в Варшаву в госпиталь, это письмо таким образом получишь скорее, чем отправлять его по полевой почте. Погода все время у нас холодная, сильные ветры со снегом, но вчера и сегодня хорошие теплые солнечные дни, и теперь можно ожидать, что холодов больше не будет. Ты все не пишешь, чем ты больна, и зачем нужна операция? Ведь хирургов хороших у нас нет – страшно. Подожди до моего возвращения – вместе что-нибудь придумаем.

Ну всего хорошего дорогая Шура, целую тебя, детей! А может быть, ты не хочешь, чтобы я тебя целовал?

Ну хоть насильно целую.

Твой Вася.

P.S. Юрику большое спасибо за сласти, целуй его и Шурика».

Письмо от Александры Ивановны Григоровой мужу

(с оказией, без даты)

«Дорогой мой Васенька

Как я была рада когда приехал ко мне Александр Владимирович и рассказал мне про тебя, что ты слава Богу здоров, и все у тебя благополучно. Но его приезд был так не ожидаан, я так испугалась не знала что сказать думая, не случилось ли что с тобой. Но я так рада, я так счастлива что с тобой все слава Богу. Но отчего ты мой Васенька мне не пишешь даже к празднику не чего не написал а я с ума сходила хотела телеграмму посылать не знала что делать, Александр Владимирович меня успокоил говоря, что у вас все тихо пока, был очень любезен привез Юрке две большие коробки конфект, и между прочим сказал мне, что они все офицеры очень довольны тобой и что у вас в дружине все очень хорошо, генерал (Дубровский, см.ранее – прим.А.И.Г.) к тебе очень хорошо относится. Все это конечно мне было очень приятно слышать, но очень тяжело быть без тебя. Дорогой мой Вася, Алек. Влад. предлагал мне ехать с ним к тебе, но я отказалась ехать с ним потому, что Надя должна приехать 13-го мая а Зина и Муся³³ 21-го мая да и притом я деньги получу 20-го и не успела б к приезду Алек. Влад. быть готовой. Алек. Влад. говорит что если все будет так обстоять спокойно у Вас, то я могу приехать в конце мая, до Варшавы приеду одна а там если будет можно тебе ты вышли когонибудь меня встретить. Дорогой Вася, если будет можно ради Бога дай мне знать что бы я выезжала телеграммой но раньше напиши мне в письме мы с Юриком будем готовиться в дорогу радость моя Васенька если бы ты знал как я счастлива этим теперь и живу если все будет благополучно у тебя, я так хочу видеть тебя – кажется полжизни отдам что бы повидаться с тобой.

Посылаю тебя маленькую посылочку Ниву и книги посылаю а тогда, когда я приеду возьму их, не знала что послать тебе я тебе писала и просила написать мне, что тебе прислать но ты мне ни чего не пишешь да и больше мне не удобно послать, с Матвеем это дело другое. Ну мой дорогой когда приеду привезу тебе то что ты хочешь, только ради Бога напиши мне что. Если бы ты знал как Юра рад, мотается как угорелый что поедет к папочке.

И так /.../ (расплылось – А.И.Г.) непременно буду ждать от тебя письма что ты мне напишешь, и тогда мы с Юркой будем собираться в дорогу.

Целую тебя крепко крепко мой милый горячо любящая тебя твоя Шура.

P.S. Юрашка и Шурик целуют тебя и так, мой дорогой до скорого свидания.

Твоя Шура».

Письмо девятое

«27 апреля 1915

Дорогая моя Шура

Уж и не знаю как тебе сказать: с одной стороны и очень обидно что ты не приехала, не удалось повидать тебя, так я настроился с отъездом Алек. Влад., а с другой стороны, когда подумаешь, то и хорошо что не приехала: во первых опасность от какого-либо шального снаряда, во вторых трудность пути до меня на лошадях и главные трудности пройти через заставы, которые не пускают частные лица на позиции без удостоверений, а такое удостоверение достать трудно, почти невозможно.

После отъезда Алек. Влад. через три дня мы ушли из деревни, где стояли при /.../ (расплылось – А.И.Г.). Перешли верст за 8 и расположились в лесу, где в один день построили себе землянки. Погода все время стояла хорошая и в землянках было чудесно, только вечером и ночью было холодно. Я, на всякий случай, построил себе хорошую, просторную землянку с окопом, и начал делать в землянке печь, но нас опять перевели на другое место и теперь мы недалеко от Прасныша. Стоим в маленькой деревушке расположились хорошо. Права пословица: все хорошо, что хорошо кончается. Я так себя настроил что увижусь с тобой, так мне этого хотелось, что я совершенно не подумал о трудностях твоего приезда и опасности.

Я так ждал приезда Алек. Влад., я и Матвей прямо считали часы. Ты не приехала и я теперь спокоен; ведь обстоятельства здесь у нас могут перемениться каждый час, и могло быть так, что ты не могла бы доехать до меня; и должна бы жить в нашем обозе с Алек. Влад. – вот это было бы оч. обидно – быть в 15 верстах и нельзя увидеться.

Теперь у меня другая комбинация, не знаю только, как она удастся. Действительно, наш генерал относится ко мне хорошо и я теперь думаю этим воспользоваться. Все время у нас на фронте тихо, часть моя уже относ. готова; наш генерал ездит в отпуск и вот я тоже думаю попроситься в отпуск и приехать к тебе на несколько дней. Какнибудь пойду к генералу, когда будет можно и посмотрю удастся это или нет.

Вот было бы счастье если удалось бы!

По твоим письмам, которые я получил почти что за неделю перед отъездом Алек. Владим. я вижу, что ты не получила мое последнее письмо; этого можно ожидать, т.к. в марте была какая то задержка в почте и даже некоторые наши казенные пакеты пропали – выписали мы из Петрограда уставы, послали за них деньги и получили ответ в феврале, что посылки отправлены, но посылки не получили до сих пор – наши деньги пропали /.../ (конец обгорел и оборван – А.И.Г.)».

Письмо десятое

(Предположительно, письмо написано в начале мая 1915г., начало его утрачено. А.И.Г.)

«...Я понимаю, дорогая Шура, что тебе хочется послать мне что-нибудь, но пока я ни в чем не нуждаюсь. Сейчас мы стоим близко от Цеханова, где есть офицерское экономическое общество, и все можно достать.

У нас часто бывают посылки в Варшаву, где приходится много покупать для дружины. Я очень тебе благодарен за посылку, только напрасно прислала книги; они могут легко потеряться и будет жалко что не будет доставать книг. Эти книги я тебе пришлю какнибудь с оказией или привезу сам коли Бог даст. Когда Матвей привез посылку то все благодарили за булку и пирог. Такую булку мы здесь приготовить не можем, а посылать ее можно только с оказией, т.к. почтовые посылки идут долго и часто пропадают. Правда, пирог в дороге помялся и начинка вся вылезла, но было очень вкусно. И так, дорогая, пожалуйста не беспокойся, у меня здесь все есть и пока я могу достать все что нужно.

Очень жаль, что ты не прислала с Алек. Влад. своей карточки, неужели до сих пор не снялась. Мне уже думается что ты не хочешь прислать мне своей карточки, а то бы давно послала. Ты скучаешь там, милая Шура, а я то здесь – так бы хотелось быть с тобой, с детьми; вспоминаются прежние наши ссоры с тобой, вспоминаются – и как то жутко становится; сейчас я жду не дождусь когда вернусь в семью и надеюсь что у нас с тобой не будут такие отношения, какие были, не будет таких ссор и мы будем жить дружно. Пойми дорогая Шура, я этой надеждой теперь живу, и если не было бы этой надежды то я чувствовал бы себя очень плохо.

Перед отъездом Алек. Влад. я получил письмо от Бориса, оказывается он был от меня не далеко, верстах в 15-20 и я уже хотел поехать к нему повидаться, как узнал, что их часть перевели куда то, и я теперь не знаю где он. Я получил несколько писем от Нади да как то не собрался им написать, они думают, что я их забыл, но не писал им потому, что сначала не помнил их адреса, а потом как то не собрался (был поход – это когда я и тебе целый месяц не писал). Напиши пожалуйста им, поблагодари за письмо ко мне. Надя спрашивает, будет ли она оканчивать гимназию 8 класс. Понятно будет. Надо что бы она написала, где она хочет окончить? Ее можно перевести в Рязань, тогда она будет жить у тебя, если же хочет кончать в Петрограде вместе с сестрами, то я ей буду высылать туда деньги на житье. Ведь экзамены у них кончились в апреле? Почему же приедут только в конце мая? Вероятно они сейчас у тетки Анны Федоровны³⁴. Да, я от нее получил письмо с просьбой прислать деньги, чтоб они могли взять детей на праздники – я ей послал 50 руб.

Пиши мне пожалуйста чаще, не считайся с моими письмами, жду от тебя писем. Молодец Юра – умеет подписывать свое имя – поцелуй его хорошенько от меня. Алек. Влад. очень понравились дети – Шурика он совершенно не узнал. Рассказывает как ты живешь, про Шурика – беленький в кудряшках.

Напиши мне пожалуйста выдал ли тебе деньги воинский начальник – если он тебе не выдает и в /.../ (расплылось – А.И.Г.) (за февр. март апр. – всего с лишком 300 руб.) то я буду жаловаться телеграммой начальнику Московского военного округа и подам рапорт, т.к. по Высочайшему приказу воинские начальники не могут задерживать выдачу денег семьям.

Если не выдает то пиши скорей. Ну дорогая моя до скорого может быть свиданья, поцелуй за меня Юрика и Шурика, молодцы они теперь, поцелуй Васю, Марусю, Варвару, спасибо им за память, целую тебя как бы /.../ (зачеркнуто – А.И.Г.) в мечтанья – когда же это будет. Не забывай своего Васю.

P.S. как я удивился что Яков в плену. Не знаешь где он попал. Бедный, теперь ему не сладко, немцы пленных содержат очень плохо.

Целую не забывай.

Твой Вася».

Письмо одиннадцатое

«14 июля 1915

Очень ты на меня, вероятно, сердисься, дорогая моя Шура, давно я тебе не писал; все идет пока по старому, новостей нет, так живем изо дня в день; ты ведь знаешь, как я ленив писать. Я купил себе фотографический аппарат и посылаю тебе несколько снимков деревни, где мы жили; теперь ушли в другое место.

Ну теперь деловые вопросы:

Маруся пусть идет себе в институт, тем более что и ты сама хотела. Надя – если не хочет кончать в Петрограде, то пожалуйста постарайся ее устроить в гимназии Екимецкой³⁵ а может быть и в казенную; в казенной может быть можно будет учиться и бесплатно, а в Екимецкой придется платить (а я слышал, там еще и поборы, – с моей пенсии и жалованья будет тяжело).

Во всяком случае, кончить 8 кл. ей необходимо; я думаю, что ты как-нибудь это устроишь, посоветуйся с Кутуковым, а я собственно не знаю как это делается.

Ты, наверное, сейчас в Маточкине³⁶ понятно я ничего против не имею раз ты и дети обеспечены только вот, что нибудь /.../ (расплылось – А.И.Г.) вновь не сдержаны на языке да и шалуны дети, что бы эти не отозвались плохо на Юре и Шурике. На этих днях я видел Борю; он работает недалеко от меня и мы с ним съехались; вначале плохо а потом помирились – Слава Богу!

Сейчас он совершенно здоров, чувствует себя хорошо. Он был больной, у него после ранения случилась чесотка, был в Варшаве в госпитале, теперь поправился.

Поздравляю Надю с окончанием гимназии; я им отдельно не буду писать, – а буду писать всем вместе.

Ты пожалуйста не безпокойся, все идет по хорошему, опасности сейчас нет никакой³⁷, только мне самому что то не по себе. Я себя сейчас чувствую хорошо, даже нога совсем не болит³⁸, только ты не можешь представить себе, как я скучаю, иногда просто места не найдешь, ничем не хочется заниматься, но я /.../ (край обгорел – А.И.Г.). Поцелуй за меня детей, целую тебя, не сердись за то что мало пишу, целую тебя не забывай.

Твой Вася.

P.S. Юрик это сам учится писать свое имя, или это водят его рукой? Как бы хотелось мне его видеть!

Целую! Привет всем, Марусе, Варваре.

Целую крепко, прекрепко.

Твой Вася».

Письмо двенадцатое

(с оказией)

«27 июля 1915

Дорогая Шура

Спешу тебе написать, потому что для письма есть оказия. Один мой офицер (из новых, ты его не знаешь – Тевяшев Петр Ильич, он скажет, что от меня) едет по нашим делам в Петроград, надеюсь что успеет и до Рязани. В последних письмах я тебе писал что все хорошо – не хотел тебя беспокоить, да и цензура бы не пропустила. Сейчас у нас в Польше положение очень тяжелое, и хорошо, если просто удастся отступить. Пишу все что думаю – боюсь не успеть тебе рассказать³⁹.

Сейчас из Варшавы все вывозят, но положение хуже, чем в прошлое наступление немцев. Нас только что ввели в крепость – опять Новогеоргиевск, и мне ничего непонятно. Кадровые все части старые вывели, а мы приняли форты. Если будем защищать – по-моему это безумие. Мы почти не знаем крепости, не пристрелялись, а в Варшаве немцы могут быть вот-вот. А главное если соседи отойдут – мы в окружении! Крепость сильная, но одни сколько мы продержимся? А может на нас просто отвлекают силы?

Может дождемся выручки, может нет. У всех настроение очень плохое. Я молю Бога, чтобы Командующий приказал не защищать крепость, но у меня предчувствие, что нас оставят здесь. Протопопов, и Алек. Влад. считают, что соседей переменят просто и мы будем в линии, Матвей молится, солдаты угрюмы.

Но ты понимаешь, я не могу позволить себе слабость, хотя на душе плохо.

Извини, что мало пишу и невесело, но вдруг захотелось тебе рассказать.

Надеюсь, что все же кончится по хорошему, молись за нас. Женам наших письмо не показывай пока, может обойдется.

Я тебя очень люблю. Целую, целую тебя, детей. Если что – пусть Боря /.../ (конец оборван – А.И.Г.)».

Письмо последнее

«...августа 1915

Дорогая и милая Шура, если удастся Матвеем добраться, я с ним отправлю вещи, подарки мне не нужны и посылку все равно придется бросить. Мы в крепости можем с часу на час быть окружены и тогда крепость продержится не долго. Матвей тебе расскажет. Сейчас немец в 6 верстах от фортов.

Сейчас я здоров, а там, ты ведь понимаешь – какая будет судьба. Поцелуй всех детей, чтобы не забывали. До свиданья дорогая Шура, не волнуйся /.../ (расплылось – А.И.Г.) как судьба. Обними детей, когда тебе удастся их увидеть.⁴⁰

Целую, целую. Твой Вася».

.....

После известия о падении крепости Александра Ивановна около двух месяцев пребывала в неизвестности о судьбе мужа, надеялась, что он в плену. Но потом из отправленного из германского плена письма его бригадного командира генерал-майора Дубровского она узнала, что муж и командир его полка полковник Ширяев погибли 3 августа, возглавляя контратаку против немцев, занявших 16 форт крепости. Тело полковника Григорова было вынесено с поля боя его солдатами и похоронено 5 августа в Новогеоргиевске. Генерал-майор Дубровский также писал, что немедленно после своего возвращения будет ходатайствовать о посмертном их награждении, т.к. «...они одни из немногих сохранили присутствие духа и не позволили орудиям попасть к неприятелю исправными...» Но Александре Ивановне довелось стать не свидетелем посмертных почестей мужа, а участником 1,5 летней бессмысленной переписки с Алексеевским комитетом и с Военным Министерством. Для начисления военной пенсии от нее требовали предоставить официальное подтверждение о гибели мужа, в то время как крепость по-прежнему была у немцев, а ее уцелевшие защитники – в плену. Дело решило лишь ходатайство Александры Ивановны на Высочайшее Имя.

Юрик Григоров, старший сын Василия Васильевича и Александры Ивановны, прошел всю Великую Отечественную войну, был ранен, имел боевые награды. После войны вернулся в Рязань, много лет работал корреспондентом в газете «Приокская правда». Шурик Григоров погиб в Великую Отечественную, сторел в танке. Денщик В.В. Григорова Матвей Архипов много лет помогал семье своего погибшего командира; в 1937 г. он был арестован и сгинул в лагерях.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Это был второй брак Василия Васильевича Григорова; жена на 20 лет его моложе. Первая его жена, Мария Федоровна Павлова, умерла в 1905г. после эвакуации из крепости Порт-Артур в Петербург; Василий Васильевич тогда был среди защитников крепости и раненый попал в японский плен. После окончания Русско-Японской войны и выхода в отставку жил в Рязани, где и познакомился с дочерью своего сослуживца по Порт-Артуру – Александрой Ивановной Хрущовой. В 1909г. Василий Васильевич и Александра Ивановна обвенчались, в 1910-1913гг. у них родились дети: Георгий, Александр (и Анна, которая умерла в раннем детстве). Семья жила в Рязани, на Сенной улице, летом обыкновенно – на даче в с. Китово Касимовского уезда или в Александро-Невске.

² Тональность и содержание писем, посланных полевой почтой и «с оказией», заметно отличаются. Из писем Александры Ивановны мужу привожу только два (остальные – очень личные). Орфография и пунктуация во всей переписке оригинальные (за исключением твердых знаков, которые удалены для удобства читателя).

³ Дети В.В. и А.И. Григоровых.

⁴ Бутырская слобода – примерно соответствует современному району Бутырки-1 (ул. Солнечная и окрестности Рязанского областного ГИБДД).

⁵ Красотка – лошадь зауряд-полковника В.В. Григорова.

⁶ Н.П. Кутуков, брат матери А.И. Хрущовой и крестный отец Александры Ивановны.

⁷ До призыва в ополчение из запаса большинство отставных офицеров, по причине малых пенсий, где-то работали. И призыв их явился серьезным ударом по бюджету семей. Но это начавшееся недоразумение было государством быстро замечено и устранено. Семьи призванных «не податного сословия» получили право на регулярные денежные выплаты и заметные льготы на наем жилья, прислуги, отопление, проезд и др. Об этом сообщается в газете «Рязанская жизнь» от 20 августа 1914 года: «От Рязанского уездного воинского присутствия. Уездное воинское присутствие объявляет лицам, внесенным в призывные списки сего 1914 года по Рязанскому уезду по ст. 113 Устава о воинской повинности (не податного сословия), у коих члены семей приняты в мобилизацию на действительную военную службу из запаса или ополчения, что они или родственники должны немедленно заявить Рязанскому уездному воинскому присутствию об этом на предмет назначения льгот по семейному положению...»

⁸ Протопоповы Н.В. и А.В. – подчиненные В.В. Григорова, офицеры 105-й пешей дружины. Во время проживания в Рязке В.В. и А.И. Григоровых Александра Ивановна познакомилась с ними.

⁹ Матвей Архипов, денщик В.В. Григорова. Из рязанских крестьян, старовер, грамотный, многодетный. Призван из запаса, ранее служил в Порт-Артуре.

¹⁰ Вася – сын В.В. Григорова от первого брака, жил в Рязани с мачехой и сводными братьями. По причине слабого здоровья был отчислен из кадетского корпуса, учился дома, потом в Рязанском реальном училище. Впоследствии, во время отступления Белой Армии на юг России, находился вместе с двумя сестрами при старшем брате, штабс-капитане Б.В. Григорове. Умер в Одессе от тифа.

¹¹ В этой крепости служил его старший брат Николай, по стопам которого, фактически, и пошел Василий Васильевич (Кронштадт, Свеаборг и т.д.). Вероятно, в рассказах брата было много о Новогеоргиевске, и В.В. Григорову хотелось увидеть крепость своими глазами. К несчастью, чуть позже его желание исполнилось – он защищал Новогеоргиевск, и крепость стала его могилой.

¹² Цензор, прямо скажем, не на высоте: в одном месте название крепости вымарал плохо, в другом – вообще оставил.

¹³ Любопытный момент в переписке. В это время в бюрократической неразберихе прифронтовой полосы о Рязанской дружине «забыли», и около недели В.В. Григоров и еще двое офицеров кормили личный состав «на свой счет». Потом все наладилось, деньги были им выплачены, но когда писалось письмо, командир дружины сидел «без гроша», в чем и стеснялся признаться жене.

¹⁴ Отставной полковник, сослуживец В.В. Григорова по Порт-Артуру, не был призван в строй и остался в Рязани из-за плохого состояния здоровья.

¹⁵ Мария Кутукова – двоюродная сестра А.И. Григоровой (Хрущовой).

¹⁶ У командира дружины и денщика сложились очень хорошие отношения. Для примера приведу одно из писем Матвея Архипова Александре Ивановне.

«Здравия желаю Барыня.

В первых долгом моего письмо спешу по благодарить за вашу память, что вы прислали в Барином письме поклон я очень доволен имел счастья от вас поклон. А от себя вам Барыня и Юри Шури и Барышни посылаю свое глубочайшая почтения и низкий поклон и желаю вам от души и от Господа Бога добраго здравия и всего хорошего и дождатся своего Барина в добром здравие еще Барыня прописваю вам что мы с Барином живем от позиции далеко около крепости на форте квартиры казенные и в этих домах живут только одни офицеры солдаты. Мне показалось скучно здесь и не чаю когда попасть домой а Барину еще скучней моего потому что они от вас далеко своего семейства а мое дело солдатское да еще благодарю что я попал к этому хорошему Барину и мне жить хорошо

за тем Прошайте остаюсь верный и добросовестный слуга Матвей Архипов извините что может быть я плохо написал как сумел».

Спустя полгода, из практически окруженной Новогеоргиевской крепости полковник Григоров отправил своего денщика с каким-то незначительным поручением, т.о. спас его от гибели или плена.

¹⁷ Вихровский – родственник матери Александры Ивановны по линии Казначеевых, тоже рязанец. Служил в Варшаве «по гражданскому ведомству».

¹⁸ Яков Хрущев – двоюродный брат Александры Ивановны.

¹⁹ Вестовой В.В. Григорова.

²⁰ М.С. Туржецкий, помощник старшего врача 18-й Ополченской бригады.

²¹ Родственницы Александры Ивановны по матери, из рязанских дворян Кутуковых и Казначеевых. Точнее, кроме Маруси Кутуковой, сказать не могу.

²² Любопытный момент. Номер батальона по гарнизонному расписанию в нач. 1915 года – 455-й. Значит, переформирование в полки планировалось (но почему-то было отложено) уже в начале 1915 года!

²³ Видно, что очередной чин волнует В.В. Григорова меньше, чем прибавка «к содержанию» его жене.

²⁴ В Пултуске 105-я Рязанская дружина и еще несколько ополченских частей СЗФ получали новое обмундирование.

²⁵ Спустя пару месяцев у Военного коменданта Варшавы принял жесткие меры и спекуляция билетами прекратилась.

²⁶ Борис – старший сын В.В. Григорова от первого брака, мой дед. К этому моменту уже окончил ускоренный курс Николаевского инженерного училища и отправлен на тот же германский фронт. Борис долго не мог простить отцу, что тот женился вторично. Помирились они незадолго до гибели В.В. Григорова.

²⁷ Этот прорыв сравнительно быстро удалось парировать. Здесь, в который раз уже, повторилось то же самое: подавляющее преимущество противника в огневой мощи и технике и достижение наших стратегических целей ценой личного героизма и больших потерь.

²⁸ Послать ничего не мог, т.к. дружина стояла в недавно отбитом у неприятеля населенном пункте, а во время недавнего отступления обоз бросили.

²⁹ Причина та же – отступление. Не хочет волновать жену, поэтому причиной молчания выдвигает лень.

³⁰ Вероятно, члены РСДРП либо анархисты (эсеры на фронте практически не агитировали, а больше некому – остальные «умеренные»).

³¹ Сообщать семьям о погибших офицерах и в то время было делом командира. У офицеров-ополченцев это вдвойне тяжело – ведь до войны почти все семьи знали друг друга.

³² Посылка подсвечников мужу на фронт – только один из примеров непонимания и неправильной оценки молодой женщиной обстановки на фронте. Александра Ивановна, находясь в Рязани, вероятно, думала, что фронтовая жизнь – примерно то же самое, что и жизнь губернская.

³³ Дочери В.В. Григорова от первого брака, в это время жили и учились в Петрограде.

³⁴ Анна Федоровна Вережкина, урожденная Павлова – тетка детей В.В. Григорова от первого брака, сестра его покойной жены, жила в Петрограде.

³⁵ Привилегированная частная гимназия в Рязани. Здание гимназии сохранилось, в настоящее время там находится средняя школа. Судьба Веры Петровны Екимецкой после революции трагична – в 30-е годы она была репрессирована и выслана из Рязани.

³⁶ Деревня в Рязанском уезде, где находилась усадьба Хрущовых – родителей Александры Ивановны.

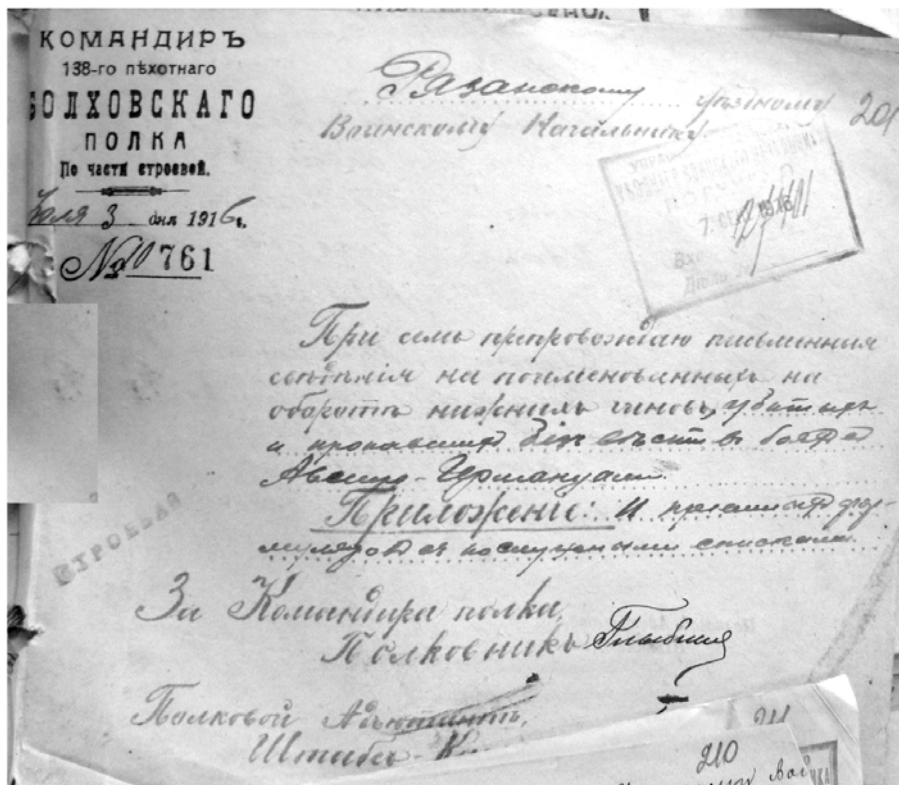
³⁷ Успокаивает жену, в действительности у 1-й Армии, назначенной прикрывать отход 2-й с Варшавских позиций, положение отчаянное.

³⁸ Василий Васильевич был ранен на японской войне в обе ноги.

³⁹ Полковник Григоров предполагает, что ополченцев оставляют на отвлечение и, осознавая обреченность оставленных в окружении частей и не считая возможным обсуждать приказы с подчиненными, делится мыслями с близким человеком. Изменилась тональность: прежние письма полны заботой о благополучии семьи и спокойствии жены, о своей жизни писал сдержанно, повествовательно. Это письмо наполнено тревогой, удивлением, разочарованием. Он предполагает, что письмо последнее и явно прощается.

⁴⁰ Трое из детей В.В. Григорова от первого брака учились в то время в Петрограде.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**Из переписки
канцелярии штаба 138-го
пехотного Болховского полка
с родственниками погибших офицеров
и нижних чинов**

РГВИА Ф.2752 оп.2 «Штаб 138-го пехотного Болховского полка» д.287 «Разная переписка с родственниками погибших офицеров и н/чинов 138-го пехотного Болховского полка»¹
В числе прочей переписки в книге подшита переписка канцелярии штаба полка с родственниками нижних чинов – уроженцев Рязанской губернии и Елатомского, Шацкого, Темниковского уездов Тамбовской губ.:

(с.39) «Его Высокоблагородию
господину командиру 138 пех Болховского полка
Солдатки-крестьянки села Мервина Троицкой вол. Рязанского уезда
Рязанской губ
Дарьи Михайловой Сухарниковой
Прошение
Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие уведомить меня через волостное правление где находится
в настоящее время /.../ муж мой нижний чин вверенного Вам полка Федор Сухарников, от коего
я не получаю известия с сентября месяца с.г.
Дарья Михайлова Сухарникова, а за нее по неграмотности ее расписался того же села Иван Данилин.
...ноября 1916 с.Мервино»
(с.39-а) «надпись на прошении крестьянки Дарьи Михайловой Сухарниковой от 8 дек 1916 года...
Троицкому волостному правлению Рязанской губернии и уезда
Прошу объявить кр-ке села Мервина Дарьи Михайловой Сухарниковой что муж ее Федор Сухарников в бою
с неприятелем пал смертью героя 8 марта 1915 года
Исх. №491,
и/д ком. полка полковник Глыбин
Адъютант поручик ... Костенко
8 января 1917г.»

(с.186-188) «Его Высокоблагородию
господину командиру 138 пех Болховского полка
Солдатки-крест. села Борисово Бельской вол. Спасского уезда
Рязанской губ
Анны Степановой Ваниной
Прошение
Имею честь покорнейше просить Ваше Высокоблагородие уведомить меня через Бельское волостное
правление где находится в настоящее время /.../ муж мой нижний чин 5 роты вверенного Вам полка
Яков Арсентьев Ванин, от коего я не получаю известия с половины августа месяца с.г.
Анна Степанова Ванина, а за нее по неграмотности ее расписался Петр Лавров
...ноября 1916 с.Борисово
(часть переписки по делу – на с.42) «надпись на прошении кр-ки Анны Степановой Ваниной от 27 ноября
1916 года.
Бельскому волостному правлению Рязанской губ.
Прошу объявить кр-ке с.Борисова Анны Степановой Ваниной что муж ее Яков Ванин в бою с неприятелем
убит 3 сент. 1916 года
№495 от 8 янв 1917»
и/д ком.полка полковник Глыбин
Адъютант поручик ...

(с.47) «...Шацкого у.в.нач-ка 13дек 1916 вх №28698
рядовой вверенного мне полка... Василий Соломатин убит в бою с неприятелем 21 июня 1916
исх №629 от 10 янв 1917
и/д ком.полка полковник Глыбин
Адъютант поручик ...

(с.50) «надпись на письме кр-ки Екатерины Савельевой Лаврухиной от 20 дек 1916.
Князевскому волостному правлению Рязанской губернии.
Прошу объявить кр-ке с.Князево-Займище Екатерине Савельевой Лаврухиной что ее муж Степан Лаврухин
в бою с неприятелем ранен и остался на поле сражения 3 сент 1916
№635 от 10 янв 1917
и/д ком.полка полковник Глыбин
Адъютант поручик ... Костенко

(с.53) вх №19471

«надпись на сношении Троицкого вол. правления Рязанской губернии от 2 дек 1916 №4662.

Рядовой вверенного мне полка Ермолай Веремеев убит в бою с неприятелем 12 дек 1914 о чем прошу сообщить просительнице его матери Прасковье Петровой Веремеевой.

№665 от 11 янв 1917

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...

(с.53 об.) «надпись на надписи Троицкого волостного правления

сообщить не представляется возможным за смертью просительницы последовавшей 4 янв. 1917 года»

(с.54) вх №19474

«надпись на сношении Справочного бюро Рязанского отдела от 12 дек 1916 №2526.

Рядовой вверенного мне полка Никифор Захаров в бою с неприятелем 3 августа 1916 ранен и эвакуирован в тыл. О дальнейшей его судьбе сведений не имею.

№667 от 14 янв 1917»

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...

(с.54а, 54а об., 55 – переписка Справочного бюро Рязанского отдела с разл.медицинскими учреждениями на предмет розыска рядового Никифора Захарова, последнее – от 25 окт.1917г.; раненый так и не найден)

(с.114) вх №1396

« (повторно) надпись на сношении Рязанского отдела справочного бюро от 11.1.1917 за №60

... рядовой временно командуемого мной полка Никифор Захаров в бою с неприятелем ранен 3 авг 1916г.

№2202 от 5 февр 1917

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...»

(с.56) вх №19460

«надпись на рапорте Ершовского вол. правления Рязанской губернии от 28 ноября 1916 №1933.

(повторно) Прошу вол.правление сообщить родственникам что рядовой вверенного мне полка Степан

Чушуйкин в бою с неприятелем ранен и умер от ран 19 сент. 1916 в Перевязочном отряде

35 пех.дивизии. Похоронен на лазаретном кладбище при г.Кременце.

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...

(приписка – «адрес кладб.церкви прилагается: ....)

№671 от 14 янв 1917

(продолжение переписки – на с.712)

(с.71) вх №19476

«надпись на надписи Данковского уездного воинского нач-ка от 14 дек 1916 №20682.

Рядовой вверенного полка Иван Гурин в бою 4 сент 1916 пропал без вести

№1394 от 14 янв 1917»

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...

(с.81) вх №19472

«Надпись на сношении земского нач-ка 2 участка Касимовского уезда от 9 дек 1916 №1513

сообщить об участии нижнего чина Сергея Милярова – ком 139пп по принадлежности ...

(с.82) Прошу сообщить родственникам что рядовой команды пеших разведчиков вверенного мне полка

Сергей Миляров волей нач.дивизии переведен в 139 пех Моршанский полк. О дальнейшей его судьбе

следует запрашивать ком.139 пех полка

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...

(с.84) «Надпись на надписи Спасского Рязанского уездного воинского нач-ка от 16 дек 1916г. №31757

Рядовой вверенного мне полка Яков Васюков в бою с неприятелем ранен и умер от ран 18 дек 1914г.

Исх. №1605 от 25 янв 1917

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...

(с.110) вх №19456

«Надпись на надписи Темниковского у в нач-ка от 23 ноября 1916 № 20470

Прошу сообщить что нижний чин вверенного мне полка Клементий Евинов убит 17 авг 1914

Исх. №2197 от 5 февр 1917

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...»

(с.140) вх ...?

«Надпись на прошении Авдотьи Морозовой от 28.12.1916

Черно-слободскому волостному правлению Шацкого уезда Тамбовской губернии

Прошу объявить крестьянке с.Черная Слобода Авдотьи Морозовой что сын ее Иван Морозов в бою с
неприятелем ранен 3 сент 1916 и остался на поле боя

№2556 от 19 февр 1917

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...»

(с.175) вх ...?

«Командиру 138 пехотного Болховского полка

Кр-ке д.Азеево Елатомского уезда Тамбовской губернии

Бади Рохматуллиной Бисеровой

Прошение

Ваше Высокоблагородие господин полковник

Покорнейше прошу уведомить меня где ныне находится мой родной сын Ариф Бисеров так как он уже
писем не присылает около 6 месяцев. Служит он в 5 роте вверенного Вам полка.

Бади Бисерова неграмотная а по ее просьбе расписался Прокофий Колошеин

14.1.1917

копия ответа –

вх. № 3231 21 февр 1917г.

«Бади Рохматуловой Бисеровой,

д.Азеево Елатомского у. Тамбовск губ.

Сообщаю что сын Ваш Ариф Бисеров в бою с неприятелем ранен 3 сент 1916 и живой эвакуирован
в наш тыл.

Ком.роты прап.Ефтифеев

Полк.адъютант пор.Тарасов (неразб.)

(с.189) (почтовая карточка)

«Его Высокоблагородию господину командиру 138 пехотного Болховского полка

В Действующую Армию

(оборот) 27 января

Его Высокоблагородию ....

Прозба матери находившиеся мой сын ратник во вверенном Вам полку в 5 роте Константин Иосифов

Кулагин в течение 4 месяцев нет от него писем совсем и не какого об нем известия. С глубокою
материнской скорбью все время провожу нет для меня известия и утешения жив ли мой сыночек.

Покорнейше прошу Богом молю Ваше Высокоблагородие на вести точную справку об моем сыне

К.И. Кулагине в каком положении и где находится мой сын Жду известия

Елизавета Кулагина

Город Рязань»

(ответ – исх. № 1251 «убит в бою с неприятелем 3 сент 1916»)

(с.195) вх №1936

«Надпись на надписи Шацкого уездного в нач-ка 14.1.1917 № 1151

Сообщаю что рядовой вверенного мне полка Филипп Кутушкин в бою с неприятелем убит 30 июля 1916

№3361 от 21 февр 1917

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...»

(с.196) вх №1675

«Надпись на надписи Шацкого уездного воинского нач-ка 14.1.1917 № 1151

Сообщаю что рядовой вверенного мне полка Иван Сусликов в бою с неприятелем ранен 11 дек 1914
и эвакуирован в тыл.

Исх. №3363 от 21 февр 1917

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...»

(с.219) вх №2429

«Надпись на надписи пристава 2 ст. Спасского уезда Рязанской губ от 27 янв 1917 №1414

С возвращением переписки сообщая, что нижний чин Семен Морозов убыл из полка по болезни 8 янв 1917г.

23 февр 1917 №2526

и/д ком.полка полковник Глыбин

Адъютант поручик ...»

(с.261) вх №3807

«надпись на надписи командира 138 пехотного запасного полка от 1 февр 1917г. №2355

Данковскому уездному воинскому нач-ку

Сообщаю, что нижний чин вверенного мне полка Петр Духанов в бою с неприятелем ранен 4 сент. с.г. остался на поле боя и о местонахождении его в настоящее время сведений не имеется

№4509 от 10 марта 1917

и/д ком полка полк Лянскоранский

полковой адъютант ....»

(с.309) вх №4350

«Надпись на сношении Болошневского волостного правления Рязанской губ. от 8 марта 1917 №526

Сообщаю, что солдат вверенного мне полка Григорий Данишов убит 13 дек 1916

№5839 от ... марта 1917

и/д ком полка полк Лянскоранский

полковой адъютант ....»

(с.336-338) №6461 от 16 апреля 1917

«Сергею Дмитриеву Веденькину

Ст.Сасово Моск.-Каз. жд Тамбовской губ.

Сообщаю Вам, что сын Ваш Иван Веденькин был ранен в бою 3 сен 1916 а в настоящее время состоит в полку налицо... (в ответ на запрос отца солдата Сергея Веденькина)

и/д ком полка полк Лянскоранский

полковой адъютант ....»

(с.346) 21 апреля 1917 №6896

«Марии Федоровой Лазаревой

с.Боровое почт.отд. Раново

Рязанск.губ.

Сообщаю что муж Ваш Петр Лазарев в бою с неприятелем ранен 22 сент 1916 и эвакуирован.

и/д ком полка полк Лянскоранский

полковой адъютант ....»

(с.347) – продолжение переписки

«Его Высокоблагородию господину командиру Болховского пехотного полка

Солдатки из крестьян села Борового

Марьи Федоровой Лазаревой

Прошение

Муж мой Петр Петров Лазарев состоящий в службе во вверенном Вам полку в 15 роте вот уже 7 месяцев как я от него не получаю писем. Товарищ его прислал мне от себя письмо и его фотографическую карточку и уведомил меня что муж мой убит в ноябре месяце но кроме этого никаких бумаг о его смерти я не получила почему и прошу Вас уведомить меня об участи моего мужа (так как у меня на руках грудная дочь и не пользуюсь пайком так как муж на действительной службе почему случаю при его смерти я с дочерью должны получить следующую мне пенсию.

Адрес мой следующий

село Боровое Скопинского уезда

Рязанской области

отделение Раново ...»

(с.357) 28 марта 1917

«Его Высокоблагородию господину командиру 138 пехотного Болховского полка

От рядового вверенного Вам полка 8 роты Терентия Васильева Базаева (ратник 1 мобилизации 1914г.)

из крестьян дер.Цыбаевой Темниковского уезда Тамб губ., с 27 авг 1914 нет известий.

Прошу покорнейше уведомить о судьбе Терентия Базаева по адресу: Темник у., Тамб. губернии, Справочное бюро. Владимиру Аганосову. 17 марта 1917».

(ответ – исх. № 14211 «пропал без вести в бою 14 авг 1914г.»)

(с.364, вх. № нет) 8 января 1917

«Его Высокоблагородию господину командиру 138 пехотного Болховского полка
От крестьянки Тамбовской губ. Шацкого уезда села Черной Слободы той же волости
Авдотьи Феодосьевой Морозовой

Прошение

Мой сын Иван Сергеев Морозов находился во вверенном Вам полку 7 роты но с 15 сент нет от него
никакого известия. На вышеизложенное ... покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие дать мне
справку что мой сын жив или нет на что я буду ожидать Вашего начальнического распоряжения а сама
денно ночью Бога молить за Вас и чтобы сын мой живой оказался. Смилуйтесь ответьте скорее сразу
Ваше Высокоблагородие сил нет ждать и бояться а ему если жив пусть командир его от меня мое слово
откажет

К сему прошению кр-ка Авдотья Морозова неграмотная а по ее прозьбе расписался того же села Юрий ....
(неразб.) 1916 28 дек.

(приписка: «а ежели сын мой убитый выйдет не откажите Ваше Высокоблагородие позвольте тело его мне
приехать забрать на родину чтобы лежал он у нас в селе в родной земле вместе со своими родичами за
Вас буду Бога молить всегда усердно)

(с.450) «Его Высокоблагородию господину командиру 138 пехотного Болховского полка 35 пехотной
дивизии

От крестьянки Тамбовской губ. Темниковского уезда села Стандрово той же волости
Мавры Алексеевой Учуватовой

Прошение

Ваше Высокоблагородие во вверенном Вам полку 9 роты служил мой муж крестьянин села Стандрово
Семен Тарасов Учуватов и в настоящее время от него не получаю никакого известия как уже с апреля
месяца 1915 года вследствие этого не знаю об участи моего мужа и потому покорнейше прошу Ваше
Высокоблагородие сообщить мне в Стандровское волостное правление справку жив ли он пропал ли
без вести или ранен

К сему прошению кр-ка Мавра Алексеева Учуватова а по ее неграмотности за нее расписался Василий
Казаков 1917 апреля 24

(ответ: «ефрейтор Семен Учуватов ранен 25 марта 1916. Справка: приказ по полку №96 пар.14. исход. №603
от ... мая 1917

и/д ком полка полк Лянскоранский
полковой адъютант ...»

(с.655, без вх.№) «надпись о сношении об участии солдата Семена Учуватова (оборвано, отметка
практ.нечитаема – прим.)

(с.655 об. – «ком. 9 роты – к исполнению...»)

(с.482) вх. №8830

«Отношение Троицкого волостного исполнит комитета от 27 июня за № 1327

В Троицкой волостной Исполком Спасского уезда Рязанской губернии

Сообщаю, что солдат Кузьма Мишин в бою 3 ноября 1914 года ранен...

Исход №9978 от ... июня 1917

и/д ком полка полк Глыбин

полковой адъютант ...»

(с.572)

«Командиру 138 пехотного Болховского полка

Гражданки сл.Чернослободской проживающей в Больше-проломской волости Шацкого уезда Тамбовской
губ.

Варвары Тимофеевны Абашкиной

Прошение

Муж мой Иван Ефимов Абашкин призван был по мобилизации на военную службу в 1914 году
и после его призыва остались я жена Варвара 29 лет а также сын Семен 5 лет и теща его а моя мать
Елизавета Федорова 65 лет вдова первым браком и сделалась она сильно больна и незнамо зачем
заблагорасудилось ей чтобы все имущество перешло зятю поэтому решила в свое вдовство усыновить
зятя по что ус... (? – неразб.) его в семейство но это провести возможно лишь в его присутствии
поэтому прошу Вас отпустить мужа моего Ивана Абашкина в отпуск на один месяц для совершения
акта ... (неразб.) муж мой служит у Вас в нестроевой роте...

(с.573) Прошение

Вдовы Елизаветы Федоровой Абашкиной

Ваше Высокоблагородие господин полковник

Пешу Вам я старая и больная потому что чаю скоро отдам Богу свою душу а Вашего солдата Ивана

Абашкина жена а моя дочь Варвара Абашкина как он Иван был мобилизован живет плохо меня

не слушает /.../ и за дитем не смотрит а ежели меня не станет то все имущество мое растратит и дите

сиротой бездомным оставит и потому прошу Ваше Высокоблагородие чтоб мой зять стал всего хозяином

отпустить его Христа ради на побывку для свершения наследства за ним а как наследство свершим так

сразу он назад на позицию поедет Истинный Крест в том

Не откажете войдите в мою беду в том остаюсь

Елизавета Абашкина

За неграмотностью ее подписал по ее приказу того ж села Петр Коняшкин

(продолжение переписки С.512) «Надпись на прошении гражданки Варвары Тимофеевой Абашкиной

Больше-Проломскому волостному правлению Тамбовской губ.

Прошу объявить гражданке Абашкиной что отпуска в настоящее время запрещены

№ 10603 от 23 июня 1917

И/д ком полка Глыбин

Полковой адъютант шт-кап Эверт»

(с.518) «...Надпись на надписи Справочного бюро Рязанского отдела по повсеместной помощи... от 20 мая 1917 №1030

Сообщаю что солдат... Иван Федоров в бою с неприятелем пропал без вести 17 авг 1916

... №10620 от 23 июня 1917

И/д ком полка Глыбин

Полковой адъютант шт-кап Эверт»

(с.525) «В Араслановское вол правление Темниковск.уезда

Надпись на прошение Гульзамры Кутлумухаметовой от 19 мая сг

сообщаю о Вашем сыне Ивмаине Кутлумухаметове что он ранен в бою с неприятелем 1.2.17...

... исх 10640 от 28 июня 1917

И/д ком полка Глыбин

Полковой адъютант шт-кап Эверт»

(с.530) вх. №9199

«Отношение Шацкого уездного воинского нач-ка от 29 мая №11511 о сообщении о судьбе солдата Федора Феоктистова

Прошу сообщить, путем опроса просительницы Феоктистовой, в какой именно роте командуемого мной полка состоял солдат Феоктистов

Вр.ком полка подполк.Тарасов

Адъютант прапорщик Трушин

№10773от 27 окт 1917.

(с.577, без №) «...надпись на сношении Темниковского уездного воинского начальника от 24 ...ря сего года №9227 о участии солдата Михаила Федина –

к исполнению в 12 роту

и/д полк командира подполковник Бауман

адъютант – шт-кап Тарасов

(с.581) вх. №19460, 10078

«надпись на надписи командира 138 пех. запасного полка №10934 от 21 июня 1917

Темниковскому уездному воинскому нач-ку

Сообщаю что солдат вверенного мне полка Николай Анташкин (? – неразб.) в бою с неприятелем 15 авг

1914 года ранен и эвакуирован и дальнейшая его судьба в полку неизвестна

Дальнейшие сведения посланы к ком. 78 пех запасным полком

Исх №11789 от 15 июля 1917г.

и/д полк ком подполковник Бауман

адъютант – шт-кап Тарасов

(с.592) вх. №10055 – 1917

«надпись на надписи Шацкого уездного воинского нач-ка от 16 июня 1917 о сообщении об участии солдата Григорий Морина...

справка командира роты...

...(сообщено просительнице в уездном воинском присутствии)

и/д полк ком подполковник Бауман, адъютант – шт-кап Тарасов

(с.609, без вх. №) «надпись на письме Алексея Кондрашкина
Воротызинскому (? – неразб.) волостному правлению Спасского уезда Рязанской губ
Прошу объявить гражд. села Воронтынска (?) Алексею Кондрашкину что отпуска в настоящее время
запрещены
№12849 от 7 авг 1917
Врид ком полка подполк Тарасов
Полк адъютант шт-кап...

(с.628, без вх. №) «надпись на сношении состоящего по отделу заготовок фуража для Армии Рязанской
губернии военком. Г.Л.Иванова сообщение об участии солдата Кузьмы Мишина... (док-тов в полк.
канцелярии не обнаружено, в списках 7 роты присутствует, однако налицо нет)
... исх №13296
и/д полк ком подполковник Бауман
адъютант – шт-кап Рыжков

(с.666) – переписка об участии солдата Василия Якобчак с его матерью Софьей Васильевной Якобчак,
беженкой, временно проживающей в г.Спасске Рязанской губ.
Ходатайства и предписания (!) Спасского уездного комитета, письмо от С.В.Якобчак, запрос из ПленБежа)
(док-тов в полк.канцелярии не обнаружено, в списках 7 роты присутствует, однако налицо нет)

(с.765) вх. № 13686
«надпись на надписи Спасского уездного воинского нач-ка от 18 авг сг №13764 – сообщение о судьбе
солдата Тимофея Кензина, раненого в сент 1914г. при переправе р.Вислы и эвакуированного и госпиталь
(сведений о дальнейшей судьбе не найдено)
...ему же
Справка: надпись командира 5 роты от 6.10.1917 за № 785
Исх №16514, от 10 окт 1917
И/д полк.командира подполк. Ковелин
И/д полк адъютанта прап Кармалин

(с.769) вх. № ... (номер расплылся)
«надпись на надписи Спасского уездного воинского нач-ка от 17 сент 1917 №16585
Ему же
Сообщаю, что подпрапорщик вверенного мне полка Макарий Иванов пропал без вести в бою 17 авг 1914
года и письменные сведения отосланы Вам при сношении №... от ...
Исх. № (не проставлен)
и/д полк ком подполковник Ковелин
адъютант – шт-кап Рыжков

(с.805, вх. № нет) «надпись на сношении Темниковского уездного воинского нач-ка от сент сг №19549
об изменении в приказе солдат Сысманова и Анайцева не считать их без вести пропавшими а считать
попавшими в плен
ему же – по исполнении возвращается...
исх. №16751
и/д полк ком подполковник Ковелин
адъютант – шт-кап Рыжков

(с.806, вх. № нет) «надпись на надписи Шацкого уездного воинского нач-ка от 15 сент 1917 за №22267
Ему же
Сообщаю что солдат временно командуемого мной полка Никита Савельев в бою с неприятелем пропал
без вести 14 авг 1914 года и письменные сведения по нем отосланы Вам при сношении моем от 8 февр
1916 за № 2042
№16717 от 25 окт 1917
и/д полк ком подполковник Ковелин
адъютант – шт-кап Рыжков

(с.809) вх. №14055

«надпись на сношении Темниковского уездного воинского нач-ка от ... окт 1917 за №17562
об изменении в приказе солдата Василия Иванова не считать без вести пропавшим а считать попавшим
в плен
ему же – по исполнении возвращается...
и/д полк ком подполковник Ковелин
адъютант – шт-кап Рыжов

(с.840, вх. № нет) «Командиру 3 батальона

...ноября 1917 № 1272 (приписка: «числится в самовольной отлучке»)

Рапорт

Доношу что 13 сего ноября ст унтер офицер вверенной мне роты Василий Карпов из разрешенного ему
отпуска прибыл

Справка: Приказ по полку №330 пар.6 и №384 пар.9

Приложение: удостоверение врача Щепотьевской земской больницы Рязанской губ Спасского уезда
от 8 ноября 1917 и отпускной билет

Штабс-кап ... (подпись неразб.)

(с.841) «Солдат 138 п. Болховского полка Василий Карпов вследствие флегмоны левой голени не мог
явиться своевременно в свою часть.

1917г. ноября 8 дня. Врач ... (подпись)

(с.842) – Отпускной билет ст.у-оф Василия Карпова (из него следует, что Карпов – крестьянин с.Чембар
Спасского уезда и ездил на похороны отца)

(с.853, вх. № нет) – переписка о судьбе солдата 14 роты 138-го пехотного Болховского полка Ивана Ефимова
Сусякова, из крестьян Шацкого уезда Тамб.губ. Чернослободской вол. (док-тов в канцелярии полка не
найдено, сам Сусяков в полку отсутствует)

ПРИМЕЧАНИЯ

---

¹ К книге переписки канцелярии штаба полка с родственниками погибших была приложена «Книга для записи орденов, георг. крестов и медалей и вещей убитых, умерших от ран и попавших в плен офицеров и солдат, 1914-1918гг.» (там же, Ф.2752 оп.2 д.298).